

ФУТУРИСТЫ

„Г и л е я“

Викторъ Хлѣбниковъ, Влад. Маяковскій,
Д. Н. В. Бурлюки, А. Крученыхъ, Б. Лившицъ.

Велеміръ Владиміровичъ
ХЛѢБНИКОВЪ

ТВОРЕНІЯ
ТОМЪ I
1906—1908 г.

СТАТЬИ о творчествѣ Хлѣбникова, Каменского и
Бурлюка. Рисунки В. и Д. Бурлюковъ.

МОСКВА 1914 г.

T

B.D

ФУТУРИСТЫ

===== „ГИЛЕЯ“ =====

Викторъ Хлѣбниковъ, Вл. Маяковскій, Д. Н. В. Бурлюки, А. Крученыхъ, Б. Лившицъ.

**Велеміръ Владимировичъ
Хлѣбниковъ.**

ТВОРЕНІЯ

1906—1908 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: статьи Бурлюка
и Каменского о Хлѣбниковѣ.

ИЗДАНИЕ „ПЕРВАГО ЖУРНАЛА РУССКИХЪ ФУТУРИСТОВЪ“, МОСКВА.

Викторъ Владими́ровичъ Хлѣбниковъ.

Выпуская эту книгу твореній **ГЕНІАЛЬ-НАГО** поэта, необходимо сказать нѣсколько словъ кои служили бы руководящей читателя. Василій Каменскій въ своемъ предисловіи выявляетъ роль Хлѣбникова—какъ словотворца. Хлѣбниковъ не подобенъ поэтамъ, кои пишутъ на „пищущей машинкѣ“; рукописи коихъ заключены въ папки съ золотымъ обрѣзомъ, автору извѣстна каждая строчка. Хлѣбниковъ—не Данченко—кто больше отпечаталъ, чѣмъ написалъ. **Хлѣбниковъ—пишеть съ 1905 года.** Путь его творчества: „Училища“ (1905 г.)—„Звѣринецъ“ (1906 г.) 1906 и 1907 годы работа надъ корнемъ слова; „Спряженіе корней“—гениальные „Смѣхачи“.

Вотъ онъ истинный отецъ „ФУТУРИЗМА“!

Дѣйствительно Хлѣбниковъ указалъ новые пути поэтическаго творчества!

Безусловно! Хлѣбниковымъ созданы

вещи подобныхъ которымъ не писалъ до него ни въ русской, ни въ міровыхъ —литературахъ **НИКТО.**

Рукописи Хлѣбникова хаосъ—вороха измѣтыхъ, исписанныхъ бисеромъ бумагъ. Изъ тетрадокъ его 1905—1908 года мы выбрали все наиболѣе характерное. Мы сочли своимъ долгомъ помѣстить многіе отрывки—въ одну, двѣ строки.

Геній Хлѣбниковъ читаль свои стихи въ 1906—7—8 году въ Петербургѣ Кузмину, Городецкому, В. Иванову и др.— но никто изъ этихъ литераторовъ не шевельнуль пальцемъ, чтобы отпечатать хотя бы одну строку—этихъ откровеній слова.

Хлѣбниковъ—наша эпоха. Чтобы ни тавкали Осоргины, Яблоновскіе и др.,— „Закать футуризма“, „Все это будетъ забыто“ и т. д. **Владиміръ Хлѣбниковъ—не будетъ забыть никогда.** Онъ тотъ истокъ изъ коего и въ грядущемъ возможно зарожденіе новыхъ прекрасныхъ цѣнностей. **Хлѣбниковъ**—хаотичень—ибо онъ геній; лишь талантъ—ясень и строенъ. Хлѣбниковъ разностороненъ; онъ математикъ,

филологъ, орнитологъ, всѣ роды литератур-
ная ему доступны; Хлѣбниковъ тотъ—
кто является сердцевиной всякой современ-
ной идеи литературной—каждой личности
могущей о себѣ заявить не на подломъ язы-
кѣ гадкаго поклоненія предъ „авторитетами“
прошлаго или же, что тоже, на низкомъ язы-
кѣ подражанія.

Давидъ Бурлюкъ.

О ХЛѢБНИКОВѢ.

ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ.

С л а в о ж д ь.

Журчей съ горы Русской поэзіи. И какъ журчей онъ стремистъ въ свое мъ зачарованномъ бытѣ и въ каждомъ отдельномъ движениі его побѣда и строгая мудрость завершенія. Каждыя два—три слова его—взятые случайно—поэма, мысль, красота, самоцѣльность. Первый онъ освободилъ слово, какъ таковое, придавъ ему значеніе велико и открывающее образно-законченное; и—главное—национальное. Словотворчество Хлѣбникова въ своей расовой самобытности доходитъ до геніального выявленія русскаго языка съ его типическими особенностями въ смыслѣ современного пониманія. Какъ съятель неологизмовъ, филологически пра- вильно построенныхъ, онъ создаетъ первый въ русской поэзіи особую форму стихотворе- нія, въ которой такъ ярко и глубоко отра-

зилась современная душа. Хлѣбниковъ—это примѣчательнѣйшая личность, доходящая въ своемъ скромномъ, какомъ-то нездѣшнемъ уединеніи, до легендарной святости, своей гениальной непосредственностью сумѣлъ такъ просто, такъ убѣдительно строго пересоздать всю русскую поэзію во имя современного искусства. Хлѣбниковъ походитъ на астраханского ушкуйника съ всегда согнутой спиной, на которой гаманецъ съ самоцвѣтными рѣдкой красы каменьями;— съ всегда затаенной тихой улыбкой татарина, чующаго за Каспіемъ-океаномъ краски персидскихъ ковровъ въ гаремахъ; и съ русской, до глубины глубинъ русской душой баяна изъ великаго Новгорода чьи пѣсни съ озера Грустинъ семицвѣтной радугой перекинулись въ Великую Современность. Гений Хлѣбникова настолько безбреженъ въ своемъ разливѣ словоокеана, что намъ,—стоящимъ у берега его творчества, вполнѣ достаточно и тѣхъ прибойныхъ волнъ, которыя заставляютъ насть преклониться передъ раскинутымъ величиемъ словопостиженія. Хлѣбниковъ оживилъ Слово, далъ ему движение, окрылилъ его могучими крыльями и выпустилъ его на разгульную волю—яркимъ, мудренымъ, ядреннымъ.

Сынъ Юноны.

КОНЕЦЪ.

(См. Дохл. Луна)

18.

То къ намъ уже идутъ, то къ намъ
уже идутъ.
Мальчикъ, намъ хорошо тутъ?

19.

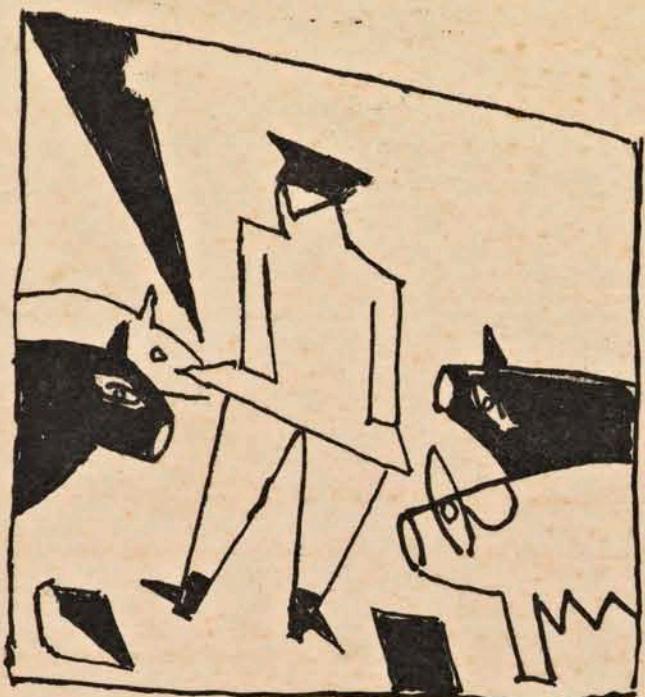
Съ дрекольемъ идите всѣ сразу и
вмѣстѣ
Впередъ образа.
Да не дрогнетъ рука.
Такъ хочетъ дѣло мести.

20.

Сюда идите! Здѣсь воинъ они
Между осинокъ въ рощѣ въ тѣни

21.

Она изъ облаковъ спустилась
И, за руку схвативъ, бѣжать пу-
стилась.
Коса по вѣтру развѣвалась,
И ноги пыли пальцами касались.
Онъ жалобно просилъ ее идти по-
тише,
Но она не слушалась,
И скоро въ рощѣ ближней,

22.

Сына цѣлуетъ бѣдная мать,
Къ плечамъ прижала сѣдымъ.
Но мертвъ онъ. Вотще подымать
Вѣки безсильны, какъ дымъ,

23

А сквозь ругань, крикъ ура
Высокомѣрна и (красива)
Къ небу вздымалось меньше пера
(Голубооблачное диво.)

Погонщикъ скота

сожранный имъ. Отрывокъ изъ сгорѣвшей.

Въ ласкающемъ воздуха леготѣ
О волосы по плечу бѣгайте
Погонщикъ скота Твердиславъ
Губами стоитъ моложавъ
Дороги желѣзной предъ нимъ полотно
Гдѣ дальняго поѣзда катитъ пятно
Или выстукивай лучше колеса
Чтобъ поѣздъ быстрѣ и яростнѣй несся
Или къ урочному часу спѣши
И поѣзду прaporомъ краснымъ маши
Тамъ за страною зеленої посѣва
Слышишь у иволги разумъ напѣва
Юноша, юноша идемъ и ты
Мнѣ новинуяся и въ ропчу бѣги
Собираѣ для продажи цвѣты
Чугунные ужъ запатались круги
Нѣть подъѣхаль тяжко поѣздъ
Изъ желѣза темный звѣрь
И совѣмъ не беспокоясь
Потянулъ погонщикъ дверь
Сорокъ борововъ взвизгнуло
Взоромъ бѣло—красныхъ глазъ
И священаго разгула
Тѣнь въ ихъ лицахъ пронеслась.
Сорокъ борововъ взвизгнуло
Возглашай; смерть надеждѣ!
Точно вѣтеръ дуя въ дуло
Точно вѣтеръ тихій прежде.

Колеса несутся, колеса стучать
Скорѣе, скорѣе, скорѣй!
Сорокъ борововъ молчатъ,
Древнимъ разумомъ звѣрей
урчать!

И къ задумчивому вою
Примѣшался голосъ страсти
Тѣло пастыря живое
Будетъ порвано на части.

Лѣсная дѣва

Когда рѣчной стремится ужъ
Вдоль зарослей рѣки
По лѣсу виденъ смутный мужъ
Съ лицомъ печали и тоски.
Брови приподнятой печальный уголъ...
И онъ изгибомъ тонкихъ рукъ
Беретъ свирили стволъ (широкъ и круголъ)
И издастъ тоскливый звукъ.
Предтечею утѣхъ дрожитъ цѣвица
Воздушныхъ дѣлъ покорная прислука.
На зовъ спѣшить пѣвца подруга
Золотокудрая дѣвица.
Пыласть взоровъ синій колосъ,
Звелить ручьемъ волшебный голосъ!
И персей бѣлизна струится до ступеней
Какъ водопадъ прекрасныхъ горъ.
Кругомъ соборъ растеній
Сіяющій соборъ.
Надъ нею неба лучезерная дуга
Уступами стоять утесы
Ея блестящая нога
Закутана въ златыя косы.
Волосъ изъ золота вѣнокъ
Внутри блестаетъ чертогъ ногъ
Казалось золотымъ плащемъ
Задернуть стройный былъ престоль.
Очей блестящимъ лучомъ
Былъ озаренъ зеленый полъ
И золотою паутиной
Она была одѣта.
Зеленою путиной
Придя на голосъ свѣта.
Молчитъ сіяющій глаголъ.
Такъ красотой своей чаруя
Она пришла (лѣсная дѣва)
Къ волшебнику напѣва,

Къ лѣниву таравуя.
И въ сумрака лучахъ
Стоитъ беззлобный земледжитель.
И съ полнымъ племенемъ въ очахъ
Стоитъ лучай обитель.
Не хитрыхъ лепестковъ златой вѣнокъ:
То сжалы косы чертогъ ногъ.
Вокругъ глаза синяго обманщика
Горятъ лучи не съмъ одуванчика?
Достигнута святая цѣль.
Ихъ чувство осознаетъ мель.
Угасъ Ярилы хмѣль.
Она лежа заснувъ съ ласкающею свободой
Была какъ омуть юочью или водоемъ.
А онъ лѣсникъ чернобородый
Надъ ней сидѣлъ и думалъ. Съ ней вдвоемъ.
Какъ надъ рѣчной долиной дубъ.
Сидѣлъ пѣвецъ чрезъ часъ ужъ трупъ
Храма любви блестялъ чертоги
Какъ ночью блещущий ручей.
Нѣть сомнѣй пѣть тревоги
Въ бѣгломъ озерѣ почей.
Безъ словъ и шума и рѣчей.....
Вдругъ крикъ ревнивца
Сонъ разбудилъ лѣнивца.
Топотъ ногъ. Воинъ, браши стонъ,
На ноги вспрыгнулъ онъ
Сейчасъ вокругъ спящей начнется съча
И вѣтеръ унесетъ далече
Стукъ гнѣвной встрѣчи
И въ ямахъ вся поверхность почвы
О боги нѣги, пойдите прочь вы!
И въ битвѣ вывернутые пин
И страстно борются они.
Но побѣдилъ пришлецъ красавецъ.
Разбилъ сопернику високъ,
И снялъ съ него, лукавецъ,
Печаль, усмѣшку и вѣнокъ.
Онъ сталъ надъ спящею добычей
И гонить мухъ и вѣткой вѣетъ.
И измѣнивъ лица обычай

Усопшаго браду на щеки клеить
И въ перси тихимъ поцѣлуемъ
Онъ дѣву разбудилъ, грядущей близостью
волниу
Но далека отъ низкаго коварства
Она расточаетъ молодости царство.
Со всѣмъ пыломъ жены бренной,
Страсти изумлена перемѣнной.
Коварство съ пляской пробѣгаеть
Принельца голодъ утоливъ
Тогда лишь сердце постигаетъ
Что значить новой страсти взрывъ.
Она сидитъ и такъ плачетъ
Прижавъ чѣмъ губамъ цвѣтокъ.
За что, за что такъ лихо
Ее окорбилъ могучай рокъ.
И доли стана
Блестѣли слабо въ полусвѣтѣ.
Она стояла скорбно, странно
Какъ блѣдный дождь въ холодномъ лѣтѣ.
Широкихъ косъ закрыта пеленою
Стояла пѣги дщерь
Плечъ слабая стѣной.....
Шептали губы; и звѣрь!
Зачѣмъ убилъ пѣвца?
Онъ кротокъ былъ. Любиль свирѣль.
Иль страсть другого пришлеца
Законная убийству цѣль?
Въ храмовной строгости березъ
Зачѣмъ убилъ любимца грезъ?
Если нѣть средствъ примирить,
Я бы могла бы раздѣлить,
Ему дала-бы вчера, къ тебѣ ходила по утрамъ,
Теперь же все для скорби храмъ!
И эти звѣзды и эти бѣлые стволы
Ничто! Ничто! теперь мпѣ не милы.

Былъ сердцемъ страстнымъ молодой.
Съ своею черной бородой онъ былъ дитя.
Чего хотятъ,
Нанесъ убийственный ударъ,
Ты тѣломъ юнъ, а сердцемъ старъ?
Съ черно синевой почью глазъ
И мелкокудрымъ златомъ власъ?
Иль пѣть: убей меня
Чтобъ возлѣ, эдѣсь была я трупъ,
Чтобы не жила, себя кляня
За прикасанье твоихъ губъ.
И тотъ молчитъ. Стеная
Звонко—уходитъ та
И рветъ со стономъ волосы.

Зажгла на небѣ полосы.
(Темпо кровавые цветы)
А онъ бѣжитъ? Нѣть съ свѣтлою улыбкой.
Сочтя приключеніе ошибкой
Смотрѣть сопернику въ лицо,
Снимаетъ хладное кольцо.
И, сѣвъ на камень,
Зажженный въ сердцѣ пламень,
Излилъ въ рыданьяхъ мертвенней свирѣли
И торжествомъ глаза горѣли.

Любавица.

Я любиры затопилъ въ почеснѣжномъ
серебрѣ.
Красотибою купилъ быть въ золѣ плѣп-
никъ добрѣ
Я играя, я игль рая та, что вѣнковна
зимъ мной.
Простирая „прости“ грая, я вранъ вратъ
златыхъ весной.
Я почей стоокихъ зной
Я обручъ на лицѣ чела рѣчной.
Я обручъ голубой вонзилъ въ моихъ
кудрей волни.
Я вопль мой о той вложилъ въ дивесъ
длину.
Что вѣтны въ лобзебрѣ цвѣтокъ
Отвергъ свое люблю! люблю ее потокъ
Моихъ то шире, то бѣднѣй
То богомъ, то людьми стремящихся съ
безумьемъ дней
Я любистель! Я нѣгистель!
Вони лобзебряныхъ мятель!
Но лишь край груди омочу
О край волнистый лобзебрѣ волни
Я воинъ отданый мечу.
И снова тоскъ гремящихъ полнъ.
Я любровы темной ясень
Я глазами въ бровяхъ ясенъ.
Я любавецъ! Я красавецъ!
Я пою скорѣй плясавецъ
Ночи, неба и зари
— Такъ велѣли кобзари.
Я нѣгиня, я богиня
Въ звонкой радости полей
Я нелгиня, я богиня

Быть съянственно голый
Звѣздный иней, звѣздный иней!
Будь, упавъ на звукъ, смѣлый!
Людей когда пібудь обоговѣть надежды!
Будь моихъ пѣжинъ одеждой
Пусть соединенный говоръ пляскъ
Пропанть меча на бедрахъ лязгъ.
И пусть ксанется лобзебро
Врагу пропизившаго ребро:
Ими, ими, имя, имя
Предковъ душами овьемъ.
Снимемъ, снимемъ, съ ними, съ ними
Сѣть сотканию навьемъ
Звонко-ль, яспо, тихо-ль, худо-ль
Въ этомъ есть удаль.
О мчи мечи наши
Крикъ бѣгущій, тишинами
Мы устали быть не нами!
Такъ и такъ, вотъ такъ, вотъ такъ.
Любовица и лѣшакъ
Пѣли
Пока уста копей кипѣли.

**
**

Были веши слишкомъ сини,
Были волны хладный гробъ
Мы подъ хохотъ пебесини
Пили чашу смутиныхъ мробъ.
Я въ волнѣ увидѣль брата,
Онъ стъ волню спорилъ хлябей
И туда, гдѣ пѣть обрата,
Броненосецъ шелъ „Осяля“
Надъ волной качнулись трубы,
Дымъ разорванъ сыль въ кольцо,
Я увидѣль близко губы
Брата мутное лицо.
Надъ пучиной емля уголъ,
Толпъ безумныхъ полопъ бокъ.
И по волнамъ косъ и смуголь
Шель японской роты богъ.
И тогда мон не могутъ болѣе молчать
уста!
Перунъ толкнулъ разгнѣвало.....
И, млатъ схвативъ, сталь мечъ ковать
изъ рудъ,
Давъ клятву показать вселенной, что
значить русскихъ судъ!
Въ бурунахъ пучины сѣдыхъ
Въ зелено-тяжкихъ
Пловцы испуска смертный дыхъ
И смерть была ихъ отдыхъ.
Было человѣчественой
Сыто море пѣной,
Оно дрожало ходуномъ
И голосомъ всплеснули до вселеной:
Измѣна, братія, измѣна!
Карая па нашъ родъ.....

Бойтесь, о бойтесь, монголы,
И тщитесь въ будущемъ узрѣть
Ниппонъ,
Свои поляютъ жертвенныхъ чертоговъ
голы,

А надъ собой насыпь ликующій законъ.
Было монистомъ изъ русскихъ жизней.
Въ Цусимѣ повязано горло морей
Такъ куритеся-же ниппонскія тризны,
Когда насы подунеть снова Борей.
Быть ожерельемъ изъ русскихъ смертей
Цусимы сладостный удѣлъ
Что Руси рокъ въ грядущемъ чертить,
Не ужаснулся, кто глядѣлъ.
Ея вздымается глава
Сквозь облаковъ-временса,
Когда истлевшія слова
Стали враговъ ея имена.
Слушайте, слушайте дѣти тревога
Пусть наполняетъ бурыя лица
Мы клятву даемъ
Вновь оросить своей и Вашей
Кровью сей сияющій
Безпрелъльный водоемъ.
Раздается Руси къ морю гибъ
Не хочешь быть съ Россіей, съ ней?
Такъ чашей пучинъ зазвенѣвъ,
Кровями общими красиѣ!
Такъ и ты Ниппонъ растерзанъ былъ
ея орлинымъ летомъ
И зтенія о тебѣ лекарствомъ отъ зубной
боли съ крысинымъ паравнѣ пометомъ.
Зубной боли!
Чего-жъ ты хочешь болѣе?
Туда, туда она направить леть орлицы!
Блѣгѣйте смуглыхъ японцевъ лица.

Инири.

Время валомъ смѣлыхъ дѣлъ.
Берегиня Милины.
Если край инесъ задѣлъ—
Вспыхнутъ гнѣвнымъ Инири.
Кто понять иное смѣлъ,
Ну, пойди въ чужой удѣлъ!..

* * *

Сюда лиска прибѣгала
Легкой поступью порхала
Уши нѣжно навостряла
Съ видомъ тонкаго нахала,
Концомъ желтымъ опахала
И сердилась и махала.
Пташки чудно ликовали
И свистѣли ворковали
Голосъ ужаса пронесся
Вотъ какъ воинъ плахи
Вертятъ мученицъ колеса?
Иль ведутъ насильно свахи.

Мы желаемъ звѣздамъ тыкать
Мы устали звѣздамъ выкать
Мы узнали сладость рыкать
Будьте грозны какъ Остраница
Платовъ и Баклановъ.
Полно вамъ клаляться
Рожь басурмановъ.
Пусть кричатъ вожаки!
Плюните имъ въ зѣники.
Будьте въ вѣрѣ крѣпки
Какъ Морозенки.
О уподобьтесь Святославу.
Врагамъ сказаль: иду на вы!
Померкнувшую славу
Тварите сѣверные львы.
Толпою прадѣдовъ за пами
Ермакъ и Ослябя.
Вейся, вейся русское знамя,
Веди насть сквозь сушу и черезъ
хляби.
Туда гдѣ духъ отчизны вымеръ.
И гдѣ невѣри въ пустыню
Идите грозно какъ Владимиръ
Или съ дружиною Добрыня.

* *

Временѣль.

Умночій вѣщихъ пушъ.
Свирѣлью время назвалъ
И въ мы, какъ день потускъ,
Летѣли тиши язвы.
Онъ стоялъ у древа жизни
И свирѣль къ устамъ поднесъ
Замолчали укоризны
Замолчалъ и въ даляхъ песъ.
Ній ній міръ какъ папороть раскрыль,
Тайны радостныя крыль.

Мыть—возрождать міръ.

Мизна мизнь
Міръ—мы.
Будоль
Будоль будоль.

АЛЧАКЪ.

Какъ раныше темень длипныи берегъ,
Гдѣ дѣва съ звономъ длинныхъ серегъ
Съ грустящимъ крикомъ, съ заломомъ
рукъ,
Кинулась въ море, ринулась въ звукъ
Изсия свѣтлыхъ водъ,
Закопчивъ грустный годъ.
Въ валовъ и ревъ и стукъ
Одинъ молчаль, другая ждала.
Одинъ былъ бѣлъ, другая мало,
И въ лодкѣ ихъ вдвоемъ качало,
Когда въ вѣнкѣ изъ пѣни человѣкъ
Подслушалъ нѣжной съ хладнымъ споръ,
Двоихъ печальный разговоръ.
Сквозь волнъ прибойныхъ хладный
бѣгъ.
„Ты кто?— крылатый ящерь,
Потомокъ змѣй, несчастья прашуръ,
Ты, попиратель слабой вѣры
Въ чертогахъ строгихъ морскїхъ пещеры?
Моихъ желаній, моихъ надеждъ,
Срываемель ясный во снѣ одѣждъ?
На закатѣ темномъ тихъ,
Кто, какой ты силы сынъ?
Сладкій „онъ“ иль чуженинъ?
Оставь, оставь меня,
Пожалѣй взамѣнъ другихъ.

Милый!, милый!—что ты сдѣлалъ?
Другомъ быть ужель не могъ?
И пожатьемъ узко бѣлымъ
Сквозь рыдающіе всхлипы
Ей отвѣтить вечеръ въ бѣломъ,
Шевеля упавшихъ кипы.
Жизнь одна у нась—ужели
Мы не въ правѣ, мы не можемъ,
Только волны посвѣжѣли
Припадать къ холоднымъ ложамъ?
Имя бога призываю,
Въ часъ истомы и досуга,
Вспомні, вспомни, дорогая,
Вспомни, вспомни, о подруга!
—Развѣ я тебя заставилъ,
Развѣ я тебя принудилъ,
Счастья плодъ сорвать безъ правилъ,
Какъ могучай случай судилъ?
Но она отвѣтить: „нѣть!“
Нѣть, рѣчистый, не сумѣешь
Лани вынуть мѣдный вредъ,
Только холodomъ повѣшь!
И она заплачетъ снова
Слышны стоны сквозь платокъ.
Онъ—же верхъ гребня рѣзаного
Прочь срываетъ какъ цвѣтокъ.
Онъ гребеть сильнѣе веслами
Прямо къ берегу къ крутому
Гдѣ за елями за рослыми
Нещеры манять ихъ истому
Но она моленъемъ звонкимъ

Не отвѣтствуетъ, глуха.
И въ отвѣтъ по просьбу къ гопкамъ
Смотритъ прямо и суха.
Видить друга пль не видить,
Любить или испавидить,
Онъ ее хулой обидя,
Съ нею рядомъ страшно сидя
Страсти рѣчи лепечя.
Умоляя и крича,
Хочеть мысль ея прочесть,
Хочеть месть ея отвестъ.
Но угрозою полна
Отодвинувшись врозвъ снова
Къ краю легкаго челна,
Она шепчетъ страсти слово:
„Если эта жизнь обманеть,
— О, несчастье!, о, бѣда!“
Въ немъ ее ничто не манить,
(Очи страшнаго суда)
Челнъ о волны бился валокъ
Билась вольная волна.
Онъ былъ, плача тихо, жалокъ.
Она грустью полна.
И потомъ уходить гордо,
Ноправляя волоса
По тропинкѣ горной твердо.
Гдѣ бѣлѣютъ паруса.
Чтобъ съ чела того утеса
Гдѣ поетъ и воетъ плесо,
Гдѣ гнѣздуютъ ястреба,
Тѣло слабое неслоя

Въ влаги вольные гроба.
Опъ обернулся, молвивъ прощай
О солнце ея не освѣщай.
Сокройся и падай печальное въ море
Сокройтесь и волны свидѣтели горя!
Алчакъ хранить святую тайну
Ея ужаснаго конца
А юноша... онъ не случайно
Бѣжитъ любезнаго вѣнца...

Смуголь, темень и изящень,

Не отъ тебя ли, пезакомецъ вчера,
Съ крикомъ маменьки! онъ страшень!
Разбѣжалась дѣтвора?

Ты подошелъ, гдѣ дѣвица.
„Позвольте представиться!“
Взялъ трудъ поклонитъся
И намекнулъ съ смѣшкомъ
„Красавица“

Она-же, играя печаткой,
Тебя вдругъ спросила лукаво?
О, сударь съ красною перчаткой,
О васъ дурная очень слава?

Я не захарь, пе кудесникъ.
Вѣрить можно-ли молвѣ?
Знайте дѣва я ровесникъ.
Она-же: извините!
Задумчивый какой!
Летять паучьи нити
На синій водопой.

Пошли по тропкѣ двое,
И взята ими лодка.
И вскорѣ дно морское
Уста цѣловало красоткѣ.

* *

Грезирой изъ камня нѣмотъ
Я высѣкъ чертоги грезини—нѣмогъ
Я въ тебя молитвой мѣчу
Мира славный жародѣй.
О пошли ты мнѣ на встрѣчу
Стаю легкихъ жарирей
Мѣчу видѣть огнезарную
Стаю вольныхъ жаарей
Дабы радугой стожарной
Вспыхнулъ морокъ нашихъ дней.
Призракъ быстрыхъ жарирей
Журчаль искрящихся ручьевъ
Печаль сопыхъ соловьевъ
Бѣжалъ рѣки, почто куда?
Видаль руки, чисты года.
Мнѣ жаль струинъ родна вода
Стопалями скрипѣли сосны.
Одѣвши золотомъ пизы
Плескалями бьють волны косны
Въ мпрѣ купавы и лозы.
Милочь и любочь счастливой четой
Идутъ вдвоемъ по тропинкѣ глухой
А за ними вдали голубая рѣка
Катить валами всегда глубока.
А падъ ними шатры хвой синесѣдой
А за ними пастухъ одинокій молодой
Обожѣлые глаза! омрелье власа
Высоги, низоги въ зеркальной водѣ
Тамъ облака, здѣсь облака
Дѣлить рѣка на два ряда
Босенсь и бѣсенсь
На зеленой травушкѣ
То богиля то бѣгиня
Гдѣ цѣтутъ купавушки
Плясарышни видѣ
Страстнѣ и дикѣ
Вѣнкомъ изъ гвоздикѣ
Лобъ перевитъ
Краснотиающія зори
Застали встанственаго утра.

ОТРЫВОКЪ.

Вы помните о городѣ, обиженномъ въ чудѣ,
Чей звукъ такъ мило нѣжитъ слухъ,
И, взятый изъ языка старинной Чуди,
Зоветъ увидѣть Васъ пастухъ
Съ свирѣлью сельской (есть много нѣги
въ сельскомъ имени),
Молочный скотъ съ обильнымъ выменемъ,
Немного робкій перейти рѣку, журчащей
брѣдъ.
Все это намъ передалъ въ названыи чужой
народъ.
Пастухъ съ свирѣлью изъ березовой коры...
Нынѣ замолкъ за грохотомъ иной поры.
Гдѣ раньше возгласъ раздавался мальчи-
шески—прекрасныхъ трубъ
Тамъ пынѣ выси застить дыма смольный
чубъ.
Гдѣ отражался въ водахъ отсвѣтъ коровьихъ
ногъ
Надъ рѣкой тамъ перекинутъ моста желѣз-
ный полувѣнокъ
Раздору, плахамъ вчера и нынче, городъ
ясли.

* *

Въ немъ дружбы пепель и зола, истлѣвъ,
погасли.

Когда-то, понуривъ голову, стрѣлецъ
безмолвно шествовалъ за плахой.
Не о пемъ-ли въ толпѣ многоголосой
дѣвичій голосъ заплакалъ?

Въ прежнихъ силь закатъ,
Къ работѣ призванъ катъ
А впрочемъ все страшнѣй и проще
Съ плодами тѣлъ казненныхъ на поляхъ
не вырастаютъ рощи.

Казнь отведена въ глубь тайного двора
Здѣсь на нее взираетъ дѣтвора.
Когда толпа шумитъ и веселится,
Передо мной всегда казненныхъ лица
Такъ и теперь: на небѣ ясномъ тучка
Я помню о тебѣ, бояринъ непокорный Кучка!

2.

Въ тебѣ, любимый городъ,
Старушки что-то есть.
Усѣлась на свой коробъ
И думаетъ иоѣсть.
Косынкой замахнулась—косынка не простая:
Отъ и до края летить птицъ черныхъ
стая.

Небистѣли небистѣли,
Озаривъ красу любинъ.
Въ насть стонали любистѣли
Хохотали каждый инъ
Ихъ нѣжныя милыя личики
Смѣнялись вершиной куд-
рей
Изъ усть ихъ струился кли-
чики:
„Смотрите, живите бодрѣй!“

Кузнечикъ.

(Вариантъ)

Крылышкуя золотописьмомъ нѣгчайшихъ
жиль

Въ кузовъ пуга кузнечикъ уложилъ
Много верхушекъ прирѣчныхъ вѣръ.
Тарарапиньинькнулъ Зинзивѣръ
О пѣждарь вечерней зари
Не ждалъ.... Озари!
О любеди!..

* *

Единствуя въ скачебной
парѣ

Въ спряготийюшемъ
узорѣ

И тѣль развернутыя нутра
Красотинѣющія зори
Застали встанственаго
утра.

Дѣжъ сны.

Любоява и Любинья и Лобызава.
Любрава. Люберь. Любръ. Лебедивые
Злецъ злыня злава злинъ злострахъ злинья
зличъ злебръ...

ДИНОМЕЧН

(старинн)

ПОЭТЪ.

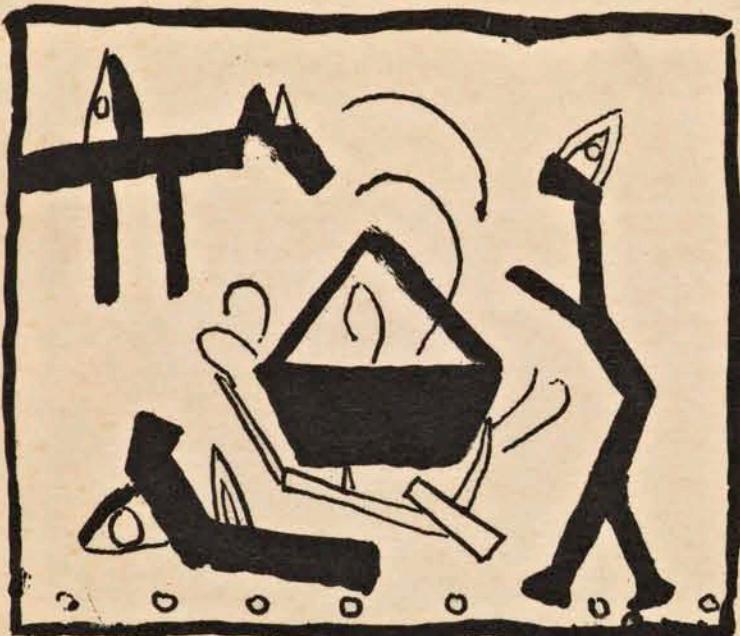
Передо мной въ котлѣ варился
варъ.

Въ котлѣ для жареня быка.
Когтями и языками прилежно раз-
дували жаръ,

До красна накаливъ котла бока,
Десять молодыхъ чертенятъ.
Они совѣтовались какъ дѣти „здѣсь
угли потолки“.

Струи, если въ огнѣ кипятъ, онѣ
звенятъ.

Божественный поваръ
Готовился изъ меня сотворить битки.
Взлетали кверху совы
И бились въ потолки
Кипѣлъ горящій варъ и огненные
рождалъ цвѣтки.

* *

Морокъ. Ярокій. Тьмичъ облачичъ
Небичъ звѣздичъ ясничъ облачній
Сказичъ, сказичъ. Сынъ скази
И туманная Сказъ народа
Возставала за дыханіями утра
Небичъ измѣсецъ зыбкій
Я землинъ, но небичъ свиристѣлъ
голосокъ, я денничъ, но нощичъ
вѣдьминъ
Сынъ грезичъ юный, грезитель
Сынъ пѣсни былиничъ, грезень.
Буди чъ—сынъ буди. Греженіе грезъ-
ба.

Училица.

Соловушко вселенноокій ты пѣсцей взяль
меня въ полонъ.
Звукунъ! Уже близка ночь и приближается
стадо поцѣлуешерстныхъ, любверогихъ
овецъ т. к. слышу рожокъ настуха и
онъ уже властенъ надъ моей душой. И
пылью, одѣяющей стадо, кажутся миги
ожиданія, полные трепета.
О не томи мою душу, такъ какъ тобою по-
лонъ товарищъ моихъ ночей полноче-
бровый ясавецъ.
Такъ молилась училица Бестужевскихъ учинъ
Любочка Натѣева. Сидя въ темной отъ
копоти и пахнущей травами изѣльемъ—
сушимцемъ хатѣ ховуна.
Можетъ быть, текла внизъ борода среброви-
той куделью
Можетъ быть, это было морозное утро надъ
заброшенными въ степи огнеокими из-
бушками.
Если это не было сивое зимнее утро, види-
мое откуда нибудь изъ узкаго мѣста,
изъ затянутаго бычачьимъ пузыремъ
окна, то эта могла еще быть охладѣвшая
посизѣлая головня, въ которой
мелькали злобные вишнево-желтые огонь-
ки очи подъ отяжелѣвшими ховунскими
вѣками.
Нѣть руки славицу нести въ злая сѣти, но

есть много рукъ взять оттуда и поса-
дить въ сладчайшую клѣть. Чомии, дѣ-
вица, и не иди въ пламя. Есть у тебя
и сѣдая глубокоокая мать—разрыдается
она въ старости, есть и престарѣлый
отецъ.

Такъ говорилъ ховунъ, раскачиваясь и по-
лузакрыва глаза и въ таинственномъ
маревѣ его выраженій мелькалъ моло-
дой и прекрасный смертоша—съ чер-
ными какъ, какъ ночь глазами и щека-
ми малиновитѣй зари.

Я хочу! воскликнула училица, не привык-
шая соображать свои желанія съ требо-
ванія почтенной нравственности, и уда-
рила ножкой о полъ. Заговорила въ ней
и мощь однѣхъ и навыкъ къ свободѣ
другихъ, но побѣжденъ былъ тотъ па-
мятный разъ голосъ благоразумія и
стояла, вселѣннѣя дѣвичими глазами,
и съ дивной игрой и нетерпѣнія и
годованія и презрѣнія на незнающихъ
себѣ равныхъ устахъ.

Стояла пророчественно вѣдая о комъ-то бе-
зумно влюбленномъ въ себя и была мо-
лода и прекрасна, т. к. всего только годъ
пробыла на учинахъ (будучи уволена за
невзосъ платы) и не успѣла стать не-
красивой.

Что-то странное произошло съ лицомъ ховуна,
какая-то молодость пробѣжала по про-
яснившихъ вдругъ углахъ глазъ.
Но та-же виласъ сѣдая кудреватая борода
и та-же стояла дубрая волосъ.

Быстро наклонился ховунъ надъ углями и
сталъ копаться и только немнога далъ
хлѣбушка, помазаннаго мёдомъ, промол-
вилъ: покушай—ста, боярышня.
Сияла зимой увѣнчанная волосомъ глава, бли-
стали странно молодые черносиніе глаза
и сквозь рувища мелькало крѣпкое мо-
лодое, покрытое чернымъ блестящимъ
волосомъ тѣло. Носиль оять на узкомъ
ремешкѣ сухой зеленый вѣникъ и отъ
него шель приятный и сладкій запахъ
и легкій звукъ. Запускала, украдкой по-
сматривая на ховуна, жемчужные зубки
и таинственно отдавалась новой власти
молодая и прекрасная дѣвушка—учи-
лица учинъ.
И вдругъ обернулся и, взявъ, горящую лу-
чину, приблизилъ къ глазамъ и сталъ
въ нѣкоторомъ отдаленіи и молвилъ: что
видишь?
И охнула Любочка и закрыла лицо руками,
только повторяя: Онъ! Онъ!
Но онъ властно отстранилъ руки и, строго,
какъ врачъ, спросилъ: Кто онъ?
Но не отвѣтствовала та и ужасъ и восхи-
щеніе были въ ея безмѣрно раскрытыхъ
глазахъ.
Зорекудели?—Да! Зорекудри точно утромъ
небо пыщуть и дышать надъ плечами?
—Да.
Синѣмы взоровъ? Озерное небо подъ осен-
нимъ золотомъ тростниковъ?—Да?
Золотомъ шитый крутой воротникъ?—Да!
Легкій и изящный извивъ губъ, говорящій

о порочной и привыкшей къ наслажде-
ніямъ жизни?—Да!
Не порось-ли онъ нѣжной бородой молодой
и прекрасной?—Да!
Не показываются-ли въ его бородѣ нѣкото-
рые сѣдыя волосы?—Да!
Не простирается-ли его сѣдая борода по
плечи и грудь?—Да!
Не потускнѣли-ли его синіе глаза?—Да!
Но не стала-ли онъ отъ этого еще прекра-
снѣй?—Да!
Что-то радостное и злое пробѣжало по двояко
жизненному лицу ховуна.
Такая прекрасная разсудительная дѣвица не
нуждается въ помощи лучины, „замѣтилъ
онъ и, погасивъ лучину, повелъ за со-
бой покорную, счастливую и влюблен-
ную учимицу, шепчуЩую: “Ты! Ты!
Злое и злое вѣтромъ трепетало надъ нимъ
въ воздухѣ.
И какъ сказать? И какъ объяснить?
Въ ея сознаніи въ этотъ мигъ мелькали
преславныя и знаменитыя на Руси
имена Бехтерева и Лосского и ихъ тем-
ные ученія о природѣ человѣческой
думи—такъ какъ она много изучала эти
науки и любила ихъ. Такъ уходила,
влекомая ховуномъ, въ дверь.
Въ ту-же ночь молодой и прекрасный юноша
всю ночьостоялъ у слюдяного око-
шечка, сквозь которое свѣтились кован-
ные блестящіе на лунномъ свѣтѣ ларцы
и Басурманскіе ковры, вывезенные изъ
черкасской стороны.

Всю ночь онъ отвѣчалъ на испуганные вопросы подкупленной его золотомъ мамки: нѣтъ?— „все еще нѣтъ“....

Быть онъ недавно съ похода противъ Искова и желѣзный мечъ висѣлъ черезъ его плечо.

Подъ утро онъ былъ схваченъ проѣзжавшими опричниками.

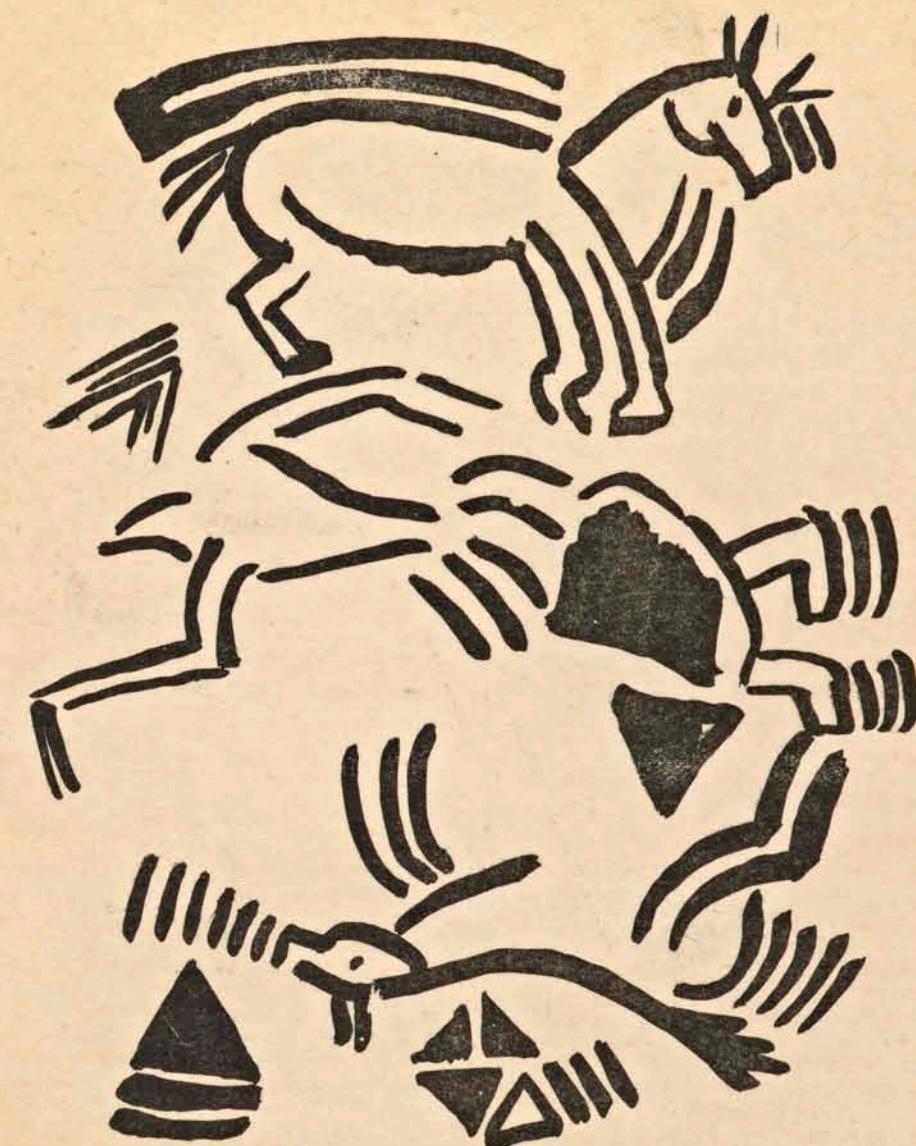
И подъ вечеръ того-же дня сухая старицкая голова, пожевавъ губами, пропшептала „и боярскаго сына Володимерко“. А послѣ, склоняясь, и набожно глазами, добавила „и иже ты, боже, весл!.. Прѣхавшая въ рыданій, къ полудину боярыни съ несказанной печалью встрѣтила извѣстіе о участіи, постигшей молодого боярина

Долгіе дни послѣ того ее можно было встрѣтить въ храмѣ блѣдией и печальной отслуживавшей поминальныя службы по усопшемъ боярскому сыну.

Не уступала и инокинямъ въ чернотѣ одѣжды и блѣдности лика

И всегда въ рукѣ горѣла свѣча—тонкая и ясная

Кончила свой вѣкъ въ заволжскихъ лѣсахъ Такъ тщетнѣ силились разорвать цѣпи временъ два любящихъ сердца.

Міровикъ.

И Міровичей — духъ надзвѣздный, зазвѣз-
далъ и синимъ лономъ неба онъ обита-
емъ послѣдній и одинокій.
Миресь иныхъ иззвѣдалъ жажду; конины съ
солью я отзвѣдалъ. Иныхъ новинъ побѣ-
ды жажду.
Мірійныя цѣлины просѣкъ ораломъ звѣз-
днымъ
Разгребъ за валомъ бездны міровинныя цѣ-
лины.

— 0 —

Водовичій
Водяничій
Ледовичій
Ледяничій
Огнявичій

* *

Вонъ черная роща и жертвенный камень
И два согнутые жреца.
Курись, служи неясный пламень
Глазамъ людей и дѣлъ конца!

**

1.

Осинъ серебрянныя бревна
Сумракъ пронзили сѣдой
И стоять двѣ водяныя царевны
Одежды зеркальной водой.

2.

Онъ серебряною зыбью
Замутивъ рѣки заливъ
Ночью купая тѣло рыбье
Отъ ткани тайну оголивъ

3.

Одѣли свой передникъ
Изъ тонкихъ водныхъ травъ
Молчитъ ихъ собесѣдникъ
Любви ночной уставъ.

4.

Сіяютъ лебеди какъ свѣчи
И конь съ челомъ винственнымъ
Ступаетъ издалеча
Какъ жрецъ любви таинственный.

5.

Священно смуглыхъ лопатки
Цвѣткомъ вѣнчанаго коня
И въ переливчатыя складки
Упала на земль простыня

6.

На травы и подковы
Упали чистые покровы
Съ добычи тучныхъ ногъ
То радости чертогъ.

7.

Не двѣ восковыя свѣчи прудовъ
Лебяжья думаетъ чета
О бѣлыя тѣни бѣлыхъ луговъ!
О бѣлая ночь и высота!

Смертиерей беззыбкихъ пляска
Времирей узывныхъ сказка.

—0—

Неумъ, разумъ и безумъ три сестры
плясали вмѣстѣ
Въ покрывальностяхъ бездумій въ
покрывальностяхъ невѣсты
Руки нѣжныя свились ноги нѣж-
ныя свились
Все кругомъ сплелось свилось въ
вязкой манни расплылось.

—0—

Безвирный небинъ
Обуть. Надувъ.

Съ былевомъ змѣево
заревъ сплелось.

—0—

Радуга.

Младуга.

Сладуга.

Гадуга.

дремунъ дремунъ

Виръ голубой

Я нѣмизны долиность
Я будизны заливъ нѣмостынныи
Міршинность.

Вѣюнъ игранствъ виѣмірныхъ

Юния, на вѣткѣ сидя,
Рыдала, смѣялась, рыдала.

И въ бездумномъ играныи игражай
Расплескалися яри быважай.
Небянки; яркушки. Рыдунчики.

И я свирѣль въ свою свирѣль
И міръ хотѣль въ свою хотѣль
Мнѣ послушныя свивались звѣзды въ пла-
вный кружетокъ

Я свирѣль въ свирѣль,
выполняя міра рокъ.

Сопряженіе корней.

Времири смѣющіеся.

ЗАЧАЛО.

Смѣйно смѣйно возсмѣемся!
Осмѣяпственности смѣя смѣхіи смѣйные
усмѣя осмѣяпственность осмѣя, смѣя,
смѣя, смѣя смѣя! Осмѣяпность смѣй-
ныхъ смѣховъ.

Засмѣйтесь смѣйность смѣя. О усмѣите
смѣхъ посмѣя. Смѣйевно смѣйево ус-
мѣй осмѣй смѣйево смѣйево усмѣй
осмѣй усмѣй осмѣй осмѣяпственность
смѣя, смѣшики смѣшики, смѣхіи
смѣхіи смѣхушки, смѣшанки, смѣй-
ево смѣево. О засмѣйтесь, смѣхачи, о
разсмѣйтесь, смѣхачи. Что смѣются
смѣхачи, что смѣяпствуютъ смѣяльно,
о засмѣйтесь усмѣяльно. Смѣюны
смѣюны смѣюнчики смѣюнчики, смѣ-
шики, смѣюнявые, смѣюявые смѣюня-
не, смѣюняпки, смѣяныши, смѣянышки
о разсмѣйтесь, смѣхачи, о усмѣйтесь
смѣхачи Смѣюности, смѣюности, смѣ-
япности смѣяпности смѣюнчики, смѣ-
шики. Смѣшунки смѣень. Смѣянецъ
смѣянице осмѣяпства смѣюниность о из-
смѣйся усмѣяльно смѣхъ усмѣйныхъ
смѣхачей. Смѣяниль смѣючикъ.

О смѣяпствѣ смѣючай смѣхъ, смѣхъ
усмѣйныхъ смѣячай.
О смѣяльностей смѣяльныхъ смѣхъ
разсмѣйныхъ смѣхачай.
О смѣяпствуите смѣянино смѣхъ смѣяль-
ныхъ Разсмѣяпствъ!....

Думаломъ волиломъ я міръ озарилъ
И пляскою вязкою жиръ окружилъ.

—о—

Въ Яробѣ нѣмоты
Играли и журчали
Двузвонкой слыноты
Жемчужныя звучали

—о—

Жарбогъ! Жарбогъ!
Я въ тебя грезитвой мъчу
Дола славный стаедый
О взметни ты мнъ навстрѣчу
Стаю вольныхъ жафрией.
Жарбогъ! Жарбогъ!
Волю видѣть огнезафную
Стаю легкихъ жафрией
Дабы радугой стожарною
Вспыхнуль морокъ нашихъ дней

—о—

Поручайное

Въ умныхъ лѣсахъ правенъ лѣсовой
Въ милыхъ водахъ силенъ Водяной
Въ домаахъ честенъ домовой
А въ народѣ Славяной.
Такъ зыбитъ снуеть молва
Съ нею славенъ, славенъ я!

—о—

Пѣсничъ—сынъ пѣсни.
Былинничъ
Грезичъ юный.

Боготекумъ.

И дѣва вѣкия вѣкия въ вѣкахъ
Вѣкуя свой вѣкъ въ огнелѣтныхъ
вѣнкахъ
На долево зарево бросаю я сѣнь
И гласомъ безъ марева кликнула
день
И день восторгнулся и день воз-
стаетъ
И день свое вѣно вѣкинѣ несетъ
И дѣва, ликуя, цѣлуетъ и молвить,
„Женихъ“
И вѣтка качается (отнынѣ) для нихъ
для двоихъ.

Чадъ-птица.

За мыслевомъ кружевомъ, круже-
вомъ тужевомъ
Тынъ я воздвигъ
Въ сладостный младостный радо-
стный мигъ
Стою за отрады оградой моей

И заревомъ маревомъ мысли роняю
въ міръ стаи
Легкихъ тѣней.

И мыслевомъ заревомъ сѣнь
Озарилъ
И гусями далями день
Подарилъ
За морокомъ ворогомъ одинъ я стою
И, къ мести взывая, месть создаю
И гусями странными къ дальнимъ
курганамъ вѣсть подаю.

И въ нѣмости бранными
И въ ревности званными
Пѣнности звонами вѣсть подаю
И плѣнности манною
Тлѣнностью данною
Месть создаю.

Повстанница гребней надмірныхъ
Возстаница небней безвириныхъ.

Въ душу холодную какъ ледъ
Вонзить огненныхъ крылья полетъ
Собой цвѣтокъ поднять со льда
Влагая сныга видъ болъ да
Есть дѣвушка съ прическою Россия
„Ко мнѣ“ отвѣтила бы: сюда
Красу молчащую спроси я
Лобзаний огнь нести куда?

* * *

О міръ мой добрый дядька!
Зачѣмъ ты плечами сутулъ
Присядька!
Рядомъ порожній вижу проситъ
стулъ.

Косматый въ бровяхъ и упрямый
Меня стоящаго съ повадкою хлыста
Есть дѣвушка съ прическою „Россія“
Отвѣтила бы мнѣ: „ко мнѣ, сюда,
о да“!

Красу молчащую спроси я
Лобзаний несть уста куда?

Гласитва сказитва.

Гласва сказав.

Сказитвенна дебрей чаща узывная...

Мучоба тучъ въ поюнности зари....

И чирія чирковъ по челу озера
По чистому челу межъ власыхъ тростниковъ
Рати стрекозовыя

Чертятъ яси облаковъ

Чистыхъ облаковъ

Рати стрекозовыя

Зыби волнять

Озеро.

Сизошъ

Нѣмбной мглы узывенъ гласть.

Грѣхачъ. Мерда. Морьба. Смердва.

Пустъ древо водоносное

Согнулося съ плеча

Ахъ время сѣнокосное

Все зубы лихача

Ахъ рѣметъ волна въ берегъ

На займишъ испарина

И звонъ воздушныхъ серегъ

Товарища татафина

Подъ овчиною отцовской

Дѣва и онъ

Онъ съ прической молодцовской

Слышитъ смѣхъ и стонъ

Она дитя вечернихъ водъ

И видны кольца ея косъ

Красивый умъ красивый ротъ

И станъ согнутый какъ вопросъ.

Слово—пяльцы; Слово—лень; Слово—
ткань;

Дѣйство

Старуха—вѣруха за тайной сидѣть

Радуха—родуха на вѣткѣ волить

За далями златомъ падалъ ту-
манъ

За явами высился дальний
курганъ.

Ночовыя пѣсни

И сѣверъ пощатая жена

Скитовинность глазъ

Грудо—губо—щеко—астая

Руко—пого—главо—астая

СМѢЛАНСТВО ДРЕВНИХЪ ЗОРЬ.

Я отсвѣтъ звученникъ будизнъ
Я отмѣтъ славный смертизны
Я оцвѣтъ цвѣтизны
Я отволось прядущей смерти
Я отголосъ кружущей Верти
Я отколось грядущей зыби,
Я звученникъ будизнъ
Я мученникъ нѣмизнъ
Нѣмостыня будизны.

Нѣмостынныя ткани рыдали свивались
велесо.

Лунный свѣтъ и бѣлая вѣтра
И тополя какъ стаи парусовъ
Сюда ночной приходитъ лада
Съ калитки снять ея засовъ.

.....

Гулъба двухъ бурь, двухъ зорь
Расторгъ
Кричитъ Могуль
Какой восшоргъ
Кричитъ Могуль
Двухъ зорь расторгъ
Двухъ бурь разгулъ.

За болонью явленій
Узывенъ тихий гласъ

Нѣть молода явленный
Какъ тотъ, чей свѣтъ погасъ:

Нѣмобы буйливостью пынною цвиль.

Дыть—дуть; бухъ; вухъ; слухъ; мухъ;
быть; выть; слыть; мыть;

Врематый мужъ

Врематой были воздвигъ я замокъ
Нощатой зови узналь я вѣсть

Надъ высокою остью молчальни кургана
Вѣнокъ дщерей Высокана

Я небичъ блѣдный
Я небичъ зыбкій
Едва на землю сойти я могъ...
Водичъ я голубой родникъ
Изъ голубыни я возникъ
Я умеръ растаявъ разникъ
Едва доступенъ сталъ маѣ ликъ.

Просязь

Молязь

Волязь

Солязь

И небязь нѣмобы голубой.

Мятьба

Славоба

Небязь небязю сказалъ

Вотъ лебедокъ стая.

Явана ясебникъ

Явобичъ, ясобичъ, ясобиръ

Нембичъ, яробичъ, яробиръ

Рыдобичей сыновъ рыданіе горнихъ летать
станица.

Сыновъ преданій голубыхъ летитъ станица.

Явобенъ міръ

Дѣвинъ градъ.

Ось-особа

Осва осить(ограничивать свою индивидуальн.)

Озда, озба;

Ясота дикихъ тучъ.

Я смѣючесть тихихъ зорь.

Дорош смертиной узыны версты

Пебити небыли юпирі

Бродатая явь.

Будroe дитя, молви, коіда будешъ чер-
вивымъ

Мышкомъ, мышкомъ тую звязаннымъ
Полнымъ до кроевъ?

— „Буду любимцемъ звѣздъ
Буду балуя править сплохогривой
Звѣздной конницѣ“...

Поклонимся вѣ знакъ вниманія до пояса
Будрому дитяти!

—о—

Червядь

Быльнякъ зорецвѣтный
На далевъ лѣтъ
Возросъ на берегу рѣки
Струйна рѣка моей тоски
Зыбкій, вискій, перевивкій
Зыбкій вѣ мысляхъ жизни маревѣ

И Г Р А Л I Е.

Видязь видѣній безликихъ
 Вѣроши въ яви
 Есть узывностинь рѣдкой мечты
 Въ русаліяхъ яви голубоши
 Безмѣрной безцѣнной безплѣнной
 Безтѣшной
 Мокоши
 Русаліе
 Есть хлябей мечты
 Есть Русь хлябей домірнаго
 Хлябей довецной черты
 Домірнаго міра.

Явитель
 Поитель
 Цѣлитель.

*Самовитый духъ славянъ
 О проснися въ насъ проснись
 воспрянь! . .*

*Зливо—то чимъ рождають („выспѣ-
 каютъ“) злобу
 Злильня
 Злобище.
 Злежъ*

*Съять съмя
 Въять въмя*

*Злобничий—духъ войны
 Зиръ—видимый міръ.*

*Огнивомъ спичивомъ высѣкъ я міръ
 И зыбку улыбку къ устамъ я под-
 несъ
 И куревомъ маревомъ долъ озарилъ
 И сладкую дымность о бывшемъ
 вознесъ*

*Зорицчи, небичи, лъсичи, водичи
 сплетались водились кружились
 водились
 Зорянки водянки лъснянки землян-
 ки кружились водились свивались
 въ кружетокъ*

*Снѣзичъ.
 Мафыня звѣздныхъ благъ.*

Прать
Править
Мняцій мірами
Мнивежъ
Мнитва
Мнивда
Старомниль
Иномниль
Мнилочисленникъ
Ты думающій—чье
Мнило—міръ!
Мень.
Мнивенъ.
Мнилобожникъ.

Синева
Милева
Ляжба

Земъяне съ необъянами тяжбу вели

Людоши плескошь глухая
Пустоши нѣмошь глухая
Въ хвойномъ совиты вѣнкѣ
Гдѣ то молчали страдая
Кто то склонился рыдая
Склонился къ лукѣ.

Мірооси данникъ звѣздный
Я омчусь какъ колесо
Пролетая въ мигъ надъ бездной
Задѣвава краемъ бездны
Я учусь словесо.

Въ пору когда въ вырей
Времирей умчались стаи
Я времушкомъ—камушкомъ
игрывало
И времушекъ—камушекъ ки-
нуло
И времушко—камушко кануло
И времыня крылья простерла.

Самунъ Самило

Дѣвятникъ—курятникъ

Кустыння звѣздныхъ рощъ.

Дикій кажень

Тебѣ поемъ Родунъ

Тебѣ поемъ бывунъ

Тебѣ поемъ рдунъ

Тебѣ поемъ вѣдунъ

Тебѣ поемъ сѣдунъ

Тебѣ поемъ владунъ

Тебѣ поемъ колдунъ

Нѣгопраменный Юноль

Я вѣдалъ ненарекаемость бозни-
чаго

Неизбытность полевичаго

Ненасытность огневичаго

Неразсыпность водяничаго

Неувядаемость дѣвичьяго.

Рыть—русло

Быть—бусло

Мыть—мусло

И въ быви будь мѣня

на избытость

Стоглазое стоустое

Хребетъ яритъ щетинить
и горбатитъ

Стобывно Бысло.

Б о г у

Заря слѣпотствуетъ нѣмливо

Моря яротствуютъ стыдливо

Дитя лѣпотствуетъ стена

И я яротствую буйливо

Мы всѣ твоя! мы всѣ твоя

Одинъ ты нашъ одинъ ты

нашъ.

И въ утонныхъ нѣгахъ снѣга
Былыхъ бѣлыхъ грезъ зари.

И въ дебряхъ голубыхъ сто-
нало солнце
Любри голубри небо раз-
сыпало.

Смѣхълъя уста смерть протянула
цѣлующая
Дохла и пуста твердь протянулось
цѣлуемая
Голуботѣлая одуванчикокосая
Чьи волосы золота волосы
Овѣклъя слезы остеклянѣлыя чьи
голосы володы голоса
Застыли нетлѣнными
Зовемъ ихъ слѣпые вселен-
ными вселенными....

Забава Убава красоты дѣвичей.

Ярь.			
Яръ.		Будрый	
Яркий	Яритво.	Мудрый	Ярные слова.
Ярый.=Будрый.		Занять=заять, заемъ=бапкъ.	
Ярунья.	Принять—пріютъ, пріемъ великояріе		дня.

Ярунъ.		Досмертный ярежъ.
Ярецъ	Яроча рогала билось.	Великоярый.
Яритва.	Ярево ярежъ.	Яротный.
Ярюю.	Ярюта.	Яро яреса.
Яровая.		Яроубийцы—аскеты.
Ярьба.	Ярякъ.	Ярійцы.
Ярье.	Ярсы.	Яривецъ.
Наяриваю.	Яривецъ	Ярлый Яровитый.
Ярила.	Убивающій ярежъ.	
Яриль.		Ярица.
Яровия.	Гредень.	
Ярипа.		Яринная ледья.

Мы всѣ земли.
Земь. Земиль.
И неизбывная земность нашего удѣла.
Людеземь.
Тебѣ славу пою, людеземъ. Людеи.
Земль міръ.
Земина. Земиной начало.
Землинъ. Земинка. Земностыня.

Земинъ
— Обитатель земли.

Земилпой глуби позналъ я даль.

Веля Земинная.

И земностей гнусность позналъ.

Землянствъ.

Нѣтъ, земинное слово не сказано.

Лютарпя.

Лютяной.

Лютилецъ лютъ.

Лютица.

Лютая Смерть

Лютана. Лютва.

Лютана.

Возстаніе вещей.

(Окончаніе. Садокъ судей I.
1908/9 г. „Журавль“.)

Могучій созидался оставъ.

Вещи выполняли какой-то давнишній
замыселъ,

Слѣдуя стариннымъ предначертаніямъ.

Они торопились, какъ заговорщики,
Возвести на престолъ: кто игнемогъ въ
скитаніяхъ,

Кто обѣщалъ:

„Я лалы городовъ вамъ дамъ и сель,
Лишь выполните, что я вамъ возвѣщалъ“.
Къ нему слетались мертвѣцы изъ клад-
бищъ

И плотью одѣвали оставъ желѣзный.
„Ванюша Цвѣточкинъ, то Незабудкинъ
бишь

Старушка увѣряла: „онъ летитъ бо-
лѣзный“.

Измѣнники живыхъ,
Трупы злорадно улыбались,
И ихъ ряды, какъ ряды строевыхъ,

Надъ площадью желчно колебались.
Пояувеликанъ, полужуравель
Онъ людомъ грозно правиль,
Онъ распростеръ свое крыло, какъ бу-
ря волокна
Путь въ глотку звѣря предуказанъ быль
человѣчку,
Какъ воздушинкъ путь въ печку.
Надъ готовымъ погибнуть полемъ.
Узники бились головами въ окна,
Моля у новаго бога воли.
Свершился переворотъ. Жизнь уступи-
ла власть
Союзу трупа и вещи.
О человѣкъ! Какой коварный духъ
Тебѣ шепталъ убийца и совѣтчикъ сра-
зу,
Духъ жизни въ вещи влей!
Ты расплескалъ безумно разумъ.
И вотъ ты снова данникъ журавлей.
Бѣды обступали тебя снова темнымъ
лѣсомъ,
Когда журавль подражалъ въ занятіяхъ
повѣсамъ,
Дома въ стилѣ ренессансъ и рококо,
Голько ягель покрывшій болото.
Энъ пляшетъ въ небо высоко.

Въ пляскѣ пьяного сколота.
Кто не умираль отъ смѣха, видя,
Какія выкидываетъ въ пляскѣ журавель
колѣнца.
Но здѣсь смѣхъ пріобрѣталъ оттѣнокъ
безумія,
Когда видѣли исчезающимъ въ клювѣ
младенца.
Матери выводили
Черноволосыхъ и бѣлокурыхъ
ребятъ.
И, умирая, во взорѣ ждали.
О днѣ отъ счастія лицо и концы устъ
зыбятъ.
Другія, упавъ на руки, рыдали
Старосты отбирали по жеребьевкѣ дѣ-
тей—
Такъ важно разсудили старшины
И, набросавъ ихъ, какъ золотистые пло-
ды въ глубь сѣтей,
Къ журавлю подымали въ вышины.
Сквозь сѣтки ячейки
Опускалась головка, колыхая шелкомъ
волосъ.

Журавль, къ людскимъ пристрастясь
обѣднямъ,
Младенцемъ закусывалъ послѣднимъ.
Учителя и пророки
Учили молиться, о необоримомъ гово-
ря рокъ.
И крыльями протяжно хлопаль
И порой людишекъ скучно лопалъ.
Онъ хохотъ кликъ вложилъ
Въ побѣдное „давлю“
И, напрягая дуги, жиль,
Люди молились журавлю.
Журавль пляшетъ звончѣе и гольче еще
Онъ людскія крыломъ разметаетъ пол-
чища,
Онъ клювъ одѣлъ остатками людскаго
мяса.
Онъ скачетъ и пляшетъ въ припадкѣ
дикаго пляса.
Такъ пляшетъ дикарь подъ тѣломъ по-
бѣженаго врага.
О, эта въ небо закинутая въ веселіи нога.
Но однажды онъ поднялся и улетѣлъ
въ даль.
Больше его не видали.

Оргатыхъ далей высокъ чертогъ.
Крылатыхъ звалей звеиогъ.
Сыновитыхъ дѣвъ—бѣлостыня свитка
Свѣтового неба благостыня слитка.

Колыханіе
Полыханіе
Звѣздыханіе
Волныханіе

Напоръ слова на пѣмъ.

Баловень.
Миловень.
Цѣловень.

Дебри—кудри міръ разсыпалъ.

За порохомъ облакомъ ворогъ идетъ
Изъ города волода ковы несетъ.
Но лукъ натянулся лукъ задрожалъ
Къ ногамъ моимъ камнемъ недугъ
И я торжествую победу кричу
И долы веселые тайный лечу.

Въ изгнанности старыхъ
словесъ

Буйва (древнихъ горъ)
Яръва
Вѣщва
Молва.

Смертичъ смертичъ поспыши
Дівъ юнной покажи
Младу жизнъ ну задуй
Діву въ губки поцалуй!...
Я матері исполнить готовъ
приказаніе
О діва, не бойся утихи лобзанія
Безъ словъ—готовъ
Приняла умерла.

Замужница съ замужницей
На вѣткѣ ворожили
Причудница съ причудни-
цей
И дѣти у нихъ были.

Небяночка вязь уманная.

Петербургская шутка на рожденье

Аполлона.

„Ч е р т и къ“

(Діалоги) 1906 г.

Старикъ. О дайте мнѣ рогъ...
Другіе. Внимающіе рокъ...
Старикъ. Просторы смырьте...
Внимающ. Смерти.....
Старикъ. Есть Онъ радѣйте въ немъ любить....
Кто-то. Съ застывшимъ взоромъ внемлю:
бить.
Старикъ. Смерть шествуетъ съ нами
Внимающ. Внимающіе. Съ нами.
Старикъ. О. Лукавое имя! (роняетъ рогъ и исче-
заетъ во мглѣ).
Слушающ. Ими...
Съ брит., Худымъ лицомъ и въ длинныхъ воло-
сахъ пробѣгаєтъ ученый и кричитъ,
разрывая на себѣ волосы:
„Ужасъ! Я взялъ кусочекъ ткани расте-
нія самаго обыкновенного растѣнія, и
вдругъ подъ вооруженнымъ глазомъ
онъ, измѣнивъ съ злымъ умысломъ свои
очертанія, сталъ Волынскимъ переулкомъ
съ выходящими и входящими людьми,
съ полуузавѣщенными занавѣсями, окна-

ми съ читающими и просто сидящими другъ на другомъ усталыми людьми и я не знаю куда миѣ идти,—въ кусочекъ растенія подъ увеличительнымъ стекломъ или въ Волынскій переулокъ, гдѣ я живу. Такъ не одинъ и тотъ же я тамъ и здѣсь, подъ увеличительнымъ стекломъ въ кускѣ растенія, и вечерпемъ дврѣ? Вселенная на вѣпрошенія мои тиха! Кусты протягивая смѣхи какъ лица. Хаха-хаха-....

Скачутъ Голыя вѣдьмы съ буйнымъ свиткомъ волосъ и осѣдавъ ученаго мчатьего на край видимаго поля.

Вѣдьмы. На водопой, на водопой сѣдого ученаго, За очки его держитесь какъ поводья, Верхомъ, на конякѣ верхомъ. Мы мчимся по полю на скакунѣ плохомъ?

Старица болота. На сѣдомъ длинноволосомъ ученомъ— О покажи, коль, свое робкое лицо намъ. Онъ бывалъ въ гостиницѣ человѣкъ умный и простой.

Гдѣ останавливаются боги, гдѣ приличествуетъ быть богамъ И вотъ онъ разумомъ заплатить за простой И вотъ онъ вызвалъ вѣдемъ— Лай и гамъ. И ликованіе вложенное въ проподнятые губы мы вмѣстѣ — съ этимъ щдемъ!

Любовникъ съ поднятымъ воротникомъ и блещущими смѣлостью глазами вѣтвь воротъ, гдѣ злой стоить младшій дворникъ.

Здѣсь должна пройти Оля. Чортъ па помошь! На помошь милый чортъ!

Чертъ. — Я здѣсь молодой человѣкъ, что вамъ угодно отъ меня?

Мол. челов. — Немногаго. Ты видишь на углу? Ты понимаешь,

Здѣсь толпы съхавшихся съ разныхъ концовъ Русской земли дѣвушекъ истребляютъ свои права быть напимъ пейбомъ и справляютъ тѣ, которыхъ способны обратить вѣдемъ въ бѣгство.

Крашенныя кошки и собаки прилежно замѣняютъ соболя разходящихся съ ученицами дѣвушекъ.

Пѣснь гулякъ. Я пою павстрѣчу тучамъ Сномъ мгновеннымъ, спомъ летучимъ Именуите жизни зелье Жизни тѣсна, низка келья. Но порою слишкомъ жгучимъ Взорамъ толко покрывало. Мы напѣвы смерти учимъ До семьюго истинъ вала.

Одна. Кантъ... Контъ... Кентъ.... Кинъ...

Мол. Госп. Опа! (бросается съ поднятой рукой)

Чертъ. Куда?

Мол. Госп. На звѣзду, купающую свой ликъ въ колѣ орошенному кровью.

Чертъ. Есть! Вы подымаетесь какъ два звѣря, оставивъ на землѣ все ненужное. Среди возгласовъ Ахъ! Охъ! Ахъ! падаете въ обморокъ.
— Въ чёмъ дѣло? Не нужно ли здѣсь присутствіе черта?

Всѣ. (Съ слабымъ ужасомъ) Она улетѣла.

Чертъ. Неужели?

Одна. Ахъ, ея волосы печально порыжѣли на образъ зимней мягели.
Они улетѣли. Неужели! Имъ чужды стыдъ и страхъ.

Ахъ... Ахъ...

(Закрываютъ лицоруками и, вынувъ пла-
точки, плачутъ сидя на спѣгу).

Чертъ. Какія прекрасныя книги оставлены ею здѣсь. Цѣлая куча.
Все Конть да Кантъ. Еще Кнутъ. Извозчикъ, не нуженъ ли тебѣ кнутъ?
А?—У меня и свой есть. Дѣло:
Неужели вся эта гора книгъ нужна бы-
ла для сего весьма легкаго и не замы-
словатаго полета по этому зимнему звѣз-
циальному небу.

Или это башня для разбѣга, къ кото-
рой прибѣгали всѣ начинающіе возду-
плаватели.

Ахъ, повидимому скоро будетъ открыто высшее училище передвиженія вскачъ на лошадяхъ, лицомъ волочащимся по камнямъ.

Ногами привязанными къ конскому хво-

сту, хотя нѣкоторые люди говорятъ,
что въ старину этотъ способъ передви-
женія примѣнялся обыкновенно къ каз-
ни. Но, что хочетъ погибнуть—поги-
нетъ.

Старуха. А то еще есть городъ, гдѣ камни учат-
ся быть камнями и проходятъ всѣ три
рода образованія,—вышнее, среднее и низ-
шее.

А мостовая учится быть мостовой и
что-же!—Всѣ люди ходятъ изъ предсто-
 рожности съ отбитыми предварительно
носами, а кони, отъ избытка образованія,
тамъ трехногіе.—Потому что камни хо-
дятъ и изучаютъ Канта.

Чертъ. Да, великъ свѣтъ и чудны дѣла его,
все не поймешь, да и гдѣ понять. Чер-
ные службы Наву. Понялъ? Понялъ?
Добрый чертъ?

Понимаешь, люди такъ захотѣли быть
святыми, что самый злой чертъ все та-
ки немного добрѣе самого лучшаго че-
ловѣка.

Разъ два—вѣдьма и лѣшакъ. Я или она'
но полетѣть, полетѣть по сиво—сумрачному
небу, гдѣ строи трубъ, гдѣ городъ, ку-
шающій вершки и оставляющій людямъ
корешки, стремится стать тѣмъ, чѣмъ
давно уже умѣль стати лишай на кор-
няхъ березъ и ихъ вѣткахъ. Полетѣть,
чортъ возьми, чертъ.

Чертъ. Слушаюсь Валюхъ приказаний добрый и благосклонный господинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ молодой человѣкъ, въ которомъ кровь играетъ, какъ когда-то въ вселенной божества. А нынѣ оно утихло.

Мол. госп. Обдумай въ мелочахъ наше предпріятіе. Опьемъ эту ночь и эту легкую мятѣль за наше предпріятіе и будемъ на „ты“.

Чертъ. Я предпочитаю слѣдовать вдохновенію. Что же касается „Ты“, „Вы“ плотина пруко-котораго мельникъ „Ты“; И всѣмъ, что ни луга, а мельникъ бываетъ виновникомъ ихъ затопленія. Однако здѣсь становится жарко даже и для насъ, умѣю-щихъ жить въ пеклѣ. Ты знаешь кто это? Въ сусличей остроконечной шапкѣ въ дубленномъ зипунѣ подвязанномъ зеленымъ поясомъ и притворяющійся пьянымъ? Это Перунъ.

Перунъ. А мнѣ наплевать, хотите облѣсить степи висѣлицами для измѣнниковъ и обезлѣсить лѣса-облѣсяйте. Ваше счастье и Ваше добро-манная утка для дикихъ товарищей летящихъ на гибель. Вотъ почему она цѣла зоветъ съ поконь вѣковъ на выстрѣлы. А мнѣ наплевать. Я пришелъ Васъ спасти. А ни хотите, какъ знаете.

Старичекъ. Вѣдомо, противъ воли нельзѧ....

Мальчишка. (Къ Перуну!) Дядюшкa, а дядюшкa, до-стать воробушка!

Перунъ. А мнѣ наплевать. Городовой, а городовой, ты хорошій человѣкъ. а?

Городовой. Некогда мнѣ съ тобою разговаривать. Ухъ! вотъ это дда! (изумленный, остана-вливается и бѣжитъ дальше)

Кто-то. Какъ ты думаешьъ, чертъ. Много ли сейчасъ времени?

Чертъ. Судя по Вашему лицу, я думаю осталось ровно столько, чтобы ко времени появлепія Вашей обольстительницы ея кра-сота имѣла нѣжныя очертанія скуки.

Мол. госп. Въ этомъ есть опасность, мой дорогой. Опасность? Опасны, но я когда-то пасъ сны! Смотри:

Въ охабиѣ и жемчугами покрытой мур-молкѣ, „послѣдній Русскій“ ты видишь идетъ. Неправда ли его брови припод-няты грозой, а на устахъ змѣится не-добрая улыбка. О, онъ предвидѣть то, о чёмъ бросилъ пророчество въ дублен-номъ зипунѣ Перунъ, но кто его слу-шааетъ? На него только съ улыбкой огля-дываются и, смеясь, показываютъ паль-цами. Онъ тоже знаетъ кое—что о лѣ-сахъ, о которыхъ не зналъ Геродотъ. Но что это цвѣточные воины? Мечи изъ цвѣтовъ?! Смотрите, завязывается битва. Обороняются, играя снѣжками, выходя

съ книгами въ рукахъ съ утомленными лицами, они бросаютъ и храбро ведутъ битву цвѣтовъ.

О, въ этой битвѣ цвѣтовъ и я умереть готовъ!

Здѣсь есть лица не дурины даже для вѣдемъ. Но есть и ученыя. Дѣвицы сидя на голомъ снѣгу и закрывъ лицо платочками, плачутъ.

Чертъ. До свиданія сестрицы. Мы, можетъ быть, встрѣтимся съ Вами на болотѣ, если Вамъ будетъ когла нибудь угодно въ собираніяхъ травъ пайти пріятное и забавное времяпровожденіе. Не забудьте, впрочемъ, громко пзвать меня по имени. Мое имя нѣсколько страшное, имен но оно звучить: „ЧЕРТЪ“, но это не значитъ, чтобы я не былъ вѣжливымъ молодымъ человѣкомъ. Я даже люблю слушать бритаго пастора. Что-же касается....., то я люблю посѣщать обѣдню въ день кончины Чайковскаго. Вы видите съ какой легкостью и при томъ ничего не требуя взамѣнъ, я раскрылъ передъ Вами свое общественное положеніе. Отвѣчайте мнѣ тѣмъ же и Вы; между нами завяжутся отношенія ни къ чему [не облазывающія,—болѣе призракъ чѣмъ вещи, но все-же изрядная сумка боевыхъ выстрѣловъ противъ скучи, хандры и друг. гостей, подражающихъ за-

модавшихъ въ недовѣрчивости къ клятвеннымъ словамъ прислуги, что хозяевъ дома нѣть или что годъ уже какъ они умерли. И такъ, еще разъ, до свиданія. (Кланяется, приподымааетъ шляпу.)

Одна изъ дѣвицъ. (Приподымаясь) Ваше лицо нѣсколько иное, чѣмъ у другихъ. Ваши глаза нѣсколько ярче, чѣмъ глаза другихъ. Такъ какъ дома меня ждетъ только сухой чай съ гороховой дочерью Германіи и учебникъ положенія городского населенія при Каппетингахъ, то я бы послѣдовала за Вами на Ваше болото, собирая травы и слушая Ваши разсказы, т. к. мѣ кажется, что это будетъ имѣть большое значеніе для самообразованія, чѣмъ мои обычныя вечернія занятія.

Чертъ. (Раскланиваясь) Моя прославленная учтивость побуждаетъ меня сдѣлать все зависящее отъ меня, чтобы я отблагодарили Васъ за Ваше общество, которымъ Вы любезно подарили меня, далеко превосходящимъ Ваши скромныя предположенія образомъ.

Друг. И я! И я! (Нѣкоторыя отымаютъ отъ глазъ платочки и гордо, не глядя, уходятъ).

Чертъ. О, прекрасныя дѣвицы! Клянусь тѣмъ естественнымъ дополненію къ людямъ установленного образца, которымъ меня

надѣлило людское недоброжелательство, вы найдете въ моемъ болѣе болѣе того, чого искали Капты, потому, что ихъ искалія слишкомъ часто напоминаютъ кусочекъ зеленой, по единственной колбасы у цвѣтовъ на оконикѣ.

Одна Соловьевъ... Отечественный мыслитель сказалъ...

Чертъ. Да, мы тамъ послушаемъ и соловьевъ. Знаете, что недавно я долженъ былъ принять ходоковъ отъ городскихъ кошекъ, жалующихся, что несмѣтное количество ихъ сестеръ погибаетъ отъ предразсудка, что весенняя пѣснь кошекъ, ихъ хвала восходящему солнцу мешае пріятна, чѣмъ пѣсни ихъ вкусныхъ соперниковъ по парушенію ночной тишины соловьевъ и, что сводъ законовъ не ограждаетъ ихъ отъ летящихъ чернильницъ и просящихъ слезно разсѣять этотъ предразсудокъ. Но я долженъ быть имъ указать на ограниченность круга ихъ міропониманія и заявить, что начало кошекъ, приватныхъ замѣнить нѣчто мычашее или только еще хрюкающее, (и здѣсь благородство имѣть раздѣлы) — есть міровое начало и восходить до звѣздъ и даже дальше за предѣлы спхъ свѣтилъ, ибо самъ міръ, — я долженъ это заявить голосомъ твердымъ и властнымъ есть лишь про-

тяжное „мяу“ зараженное и поданное памъ вмѣсто благороднаго „м-му“. Вы видите, что и я бываю способенъ на потрясеніе осповъ.

Одна. Вы нѣсколько порой болтливы, Чертикъ. Вы позволите намъ называть Васъ „Чертикъ?“

Чертъ. О—да, и замѣтьте при этомъ и съ большимъ удовольствиемъ.

Друг. Если Вы завели разговоръ о кошкахъ только потому, что рассказывали раппше о кошкѣ, то это доказываетъ Вашъ дурной слухъ и то, что пишите очень скверные стихи.

Чертъ. Это обмѣнъ рукопожатій въ плясъ скорой рѣчи?

Одна. Только ради Бога не упоминайте о коромыслѣ?

Чертъ. Я пораженъ, я побѣженъ, я отступаю передъ Вашей наблюдательностью, блестящимъ лезвиемъ Вашей мысли. Увы! Зачѣмъ отрицать и отпираться, я именно о коромыслѣ хотѣлъ упомянуть.

Одна. (Смотритъ на часы) Однако мнѣ нужно идти. Знаете, Чертикъ, когда Вы очень волнуетесь у Васъ на бровяхъ показываются рожки. (мужественно, низкимъ голосомъ, подавая руку). Досвиданія, Чертикъ, мнѣ нужно идти.

Чертъ. Какъ вы уходите? Уже? Нѣть, этому не бывать! Гдѣ мы? А! зданіе Кн. Дашковой.

Милый Геркуля, ты простишь мнъ, что твое изображеніе красуется на всѣхъ порошкахъ съ древле-овсяной мукой—да я винюсь, это была моя злая шутка. Но я думалъ оказать тебѣ услугу, что это тебя прославить, когда ты будешь вездѣ въ ходу подобный средству,—которое слабить. Что? Что? Ты недоволенъ сравненіемъ? Идемъ, надѣнь мой плащъ! Здѣсь есть два сфинкса, гдѣ они, да вотъ они!

О благородныя и прекрасныя созданія. Неподвижно смѣющіеся въ теченіи вѣковъ. Вы попадаете въ общество, которое будетъ не менѣе чутко прислушиваться къ вашимъ мѣткимъ замѣчаніямъ чѣмъ къ разглагольствованіямъ человѣка съ помоста, который умѣетъ разсказать какой величины былъ носъ у того человѣка и въ которомъ году вселенная услышала его „уа“, который вытащилъ васъ, не спрашивая вашего позволенія, на свѣтъ Божій и съ сияющихъ песковъ и блистательно молчать о васъ самихъ. На вашихъ устахъ скользитъ извѣстная доля пренебреженія ко всему земному, но тѣмъ пріятнѣе будетъ вамъ это небольшое путешествіе, такъ какъ увѣряю васъ оно состоится въ противорѣчіи со всѣми земными законами. Вы видите, что на ихъ лицахъ заиграла улыбка согла-

сія. Но для того, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе имъ нѣ что услышать священное слово „ка“. Здѣсь нѣтъ сыщиковъ?

Ворона

Каръ! Каръ!

Вы видите сфинксы, подобно тюлениамъ, радостно кидаются въ воду и, ныряя, плывать. Мы съ ними встрѣтимся на пути.

Кто то:

Что здѣсь такое?

Чертъ.

Ничего. Это упалъ въ воду снѣгъ. Что-же касается сфинксовъ, то они отправились опускать избирательныя записки. Кромѣ того они объявлены неблагополучными по чумѣ и были увезены скорой помощью.

Кто-то.

(недовѣрчиво оглядывается) Ты брешешь?

Другой.
Чертъ.

Тише, это лукачъ! Я его сразу узналь. Были тѣни. Кромѣ того намъ нужно вызвать Геру.

Всѣ.

Геркуля, кто у васъ тамъ есть? (Геркульесь наклоняется и что-то шепчетъ на ухо) Ахъ, вѣдь представить! Это извѣстный силачъ, бывшій черносотенникомъ давно—давно и нынѣ снова собирающійся вступить на борьбу съ чудовищами. Геракль, подходить по очереди пожимаетъ руку)

Ай! ай! И это обѣщанное возмездіе за наше общество? Вы не хорошо отгла-

годарили насъ.

Гераклъ. (тихимъ голосомъ) Простите. Я такъ дол-
гостоялъ на выступѣ дворца, я такъдав-
но былъ лишенъ счастья пожать кому ни-
будь руку Было естественно утратить
чувство мѣры (съ чувствомъ) Простите!
Чертъ. Ну простите его; видите у него слезы
на глазахъ.

Всѣ. О, мы великодушно прощаемъ! И кромѣ
того, когда утихнетъ боль, это дѣлается
просто смѣшино. Вы страдаете дальновид-
костью?

Гераклъ. О да, я такъ привыкъ смотрѣть въ
даль. Въ теченіи такого долгаго вре-
мени я долженъ былъ стоять на стѣнѣ
и смотрѣть вдалъ. Вы не повѣрите, что
только облака, а также божественная
помощь въ вычисленіяхъ надъ стаями
воронъ помогали мнѣ проводить время.
Я не хотѣлъ, я не могъ смотрѣть на
людей, столь легкомысленныхъ, столь
не глубокихъ Ахъ, эти вороны! Знаете,
они знаютъ достовѣрно о нашей гря-
дущей гибели. Они даже знаютъ изъ
неизвѣстныхъ мнѣ источниковъ, кое что
о тѣхъ, кто прийдутъ смѣнить насъ. И
при этомъ, таково свойство этой поро-
ды, они надѣются устроиться съ немень-
шимъ благополучиемъ, чѣмъ при насъ.
О людяхъ-же они отзываются съ вели-
чайшимъ презрѣніемъ. О, почему никто

не разгадалъ.

Однѣ. Какъ это глубоко! Какъ это умно, свѣ-
жо! Вы навѣрняка предавались размыш-
леніямъ стоя у оконъ? На вашу голову
 капала вода съ крыши это непріятно,
 но это вѣроятно очень освѣжаетъ голову.
Гераклъ. Да, я размышлялъ.

Одна. Не хотите ли надѣть мои очки, я тоже
дальнозорка.

Гераклъ. Нѣтъ блѣдно. О, если Вы дадите чер-
ные очки, то я представлю ими укра-
шенній.

Однѣ. Черные очки! Онъ просить черные очки,
у кого они есть! Вотъ!..

Друг. У меня есть. Надѣньте. Вотъ такъ. Ну
теперь Вы настоящій современникъ.
Идемте.

Гераклъ. Да, я размышлялъ. Повѣрите, но среди
людей я чувствую себя какъ живой иво-
вой прутъ, среди прутьевъ пошедшихъ
на корзину. П. ч. живой души у город-
скихъ людей нѣть, а есть только кор-
зина. Я живо представлю себѣ жреца
Діаны, съ его веселыми блестящими гла-
зами и чувственнымъ краснымъ ртомъ.
Онъ бы конечно сказалъ, старый това-
рищъ и пьяница, что между горожани-
номъ та разница, которая существуетъ
между живымъ оленемъ и черепомъ съ
рогами. Есть нѣкій лакомка и толстякъ,
который любить притыкать вертеломъ

именно человѣческія, души слегка наслаждается шипѣніемъ и трескомъ, видя блестящія капли, падающія въ огонь, стекающія внизъ. И этотъ толстякъ—городъ. О, какъ презираютъ насъ вороны, и какъ они зорко видѣть будущее. Онъ питаютъ суевѣрный страхъ предъ калѣками. Не значить ли это, что пришельцы будутъ лишены конечностей? Можетъ быть ихъ губы?

Одна.

Знаете, вы немного всетаки одичали. Все вороны и вороны. Это ничего, что я Вамъ говорю: одичали?

Гераклъ.

О, что вы, сударыня. Я разрывалъ чудовищамъ пасти и ни сколько не спрашивалъ у нихъ на это согласія.

Одна.

О прекрасная невозвратимая Греція! Не правда ли она мало походитъ на нашу величавую столицу?

Гераклъ.

Мм... какъ сказать? О да, тамъ были прекрасныя дѣвушки и кромѣ того, онъ больше плясали и охотились чѣмъ учились, что было—бы сочтено безразсудствомъ и названо безнравственнымъ. Кромѣ того, этимъ боялись бы навлечь гневъ боговъ и кару могущественной Природы. Д—да.... Но, что это за нами топотъ, переди смятеніе. Чертікъ! Вы кажется называете его **чертікомъ**;— чертикъ скачеть на какомъ—то темпомъ могучемъ слонѣ съ еще мертвыми гла-

зами и клыками. Опершись о плечо стоить, если не опибаюсь, Гера.

Странное, загадочное зрелище. Чтобы сказалъ мой пріятель Никодимъ? Онъ вѣроятно сказалъ бы: Бывающее бываетъ надѣлено въ меньшей степени вкусомъ чѣмъ я.

Чертъ.

Мой закадычный другъ и царевичъ—мамонтъ. Онъ готовился принять престолъ своего отца, когда вдругъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, весь родъ ихъ умеръ и онъ, скитаясь, нашелъ въ молодыхъ лѣтахъ кончину г҃ъ полузамерзлыхъ болотахъ Сибири. Кромѣ того, Гера, прошу любить и жаловать. Я умчалъ его мимо ученыхъ.

Гера.

Какъ противны чувству красоты ваши прически и одежды. Фи! Такъ одѣться не осмѣлилась бы у насъ и рабыня. Еѣ противномъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ васъ могли бы выйти недурные гречанки. Издаётъ трубный звукъ, подымая хоботъ.

Чертъ.

А вотъ мы и на болотѣ, вотъ лебяжій пухъ. Сорвите изъ нихъ вѣнокъ и украсьте имъ мертвую голову царевича, который такъ и не нашелъ возвѣщенаго ему при рожденіи престола. О, покройте лобзаньями мертваго друга. (дѣлаетъ въ глаза мамонта)

Гера

Страшная участъ! Бойтесь люди, трепещите, ужасное ожидая что—то люди! Ужасна участъ его и ему подобныхъ!

Чертъ. Но гдѣ-же наши Сфинксы? Но вотъ и они, съ гордыми неизъяснимыми улыбками, вынырнули изъ воды и бодро поставили на берегъ лапы. Почему они молчатъ? Вы! Говорите!

Сфинксы. Тише! Тише! Опь разсердился! фыръ...

Чертъ. И улыбаешься!

Сфинксы. И улыбаемся.

Чертъ. Достойное Васъ запятіе.

Сфинксы. Мы думаемъ! (Гера уходитъ на частное совѣщаніе съ спутницами. Черезъ нѣсколько времени опь возвращаются одѣтыми и причесанными по образу богини. Богиня стоитъ съ высокой прической и улыбающимися глазами. Легкая мятерь плететь на ея тѣлѣ снѣжные вѣнки.)

Гера. О люди! люди! Отъ лучай зноя насъ защищать мятерь. Если бы вы знали, какъ мы любимъ Васъ, пристально слѣдимъ за ходомъ вашихъ судебъ. Если бы Вы поняли, что наша божественная власть зависить отъ васъ и впѣ въ васъ—призракъ. О люди, люди, зачѣмъ вы покинули насъ (смотретьъ на звѣзды).

(Падаетъ на колѣни и глухо рыдаетъ).

И я былъ царевичъ! (глухо рыдаетъ).

Перестаньте вы! О чѣмъ Вы плачете? Скажите, стыдно толстый юноша.

Вотъ на Расъ бѣлый вѣнокъ одѣть?

Мамонтъ

Гера.

Вы быти царевичемъ, да? У Васъ была невѣста? Нѣть! Не надо плакать, дайте я васъ поцѣлую въ вашъ мертвый певидящій глазъ. Не надо плакать. Развеселите его чѣмъ нибудь, дѣвушки! (дѣвушки ходятъ вокругъ плачущаго Мамонта и поютъ: зайнѣка бѣленѣкій, зайнѣка сѣрѣлькій поскочи, попляши, ударяя въ ладоши) Мамонтомъ овладѣваетъ приступъ неудержимаго веселья, онъ начинаетъ скакать, и плясать и кружиться. Другое стоять и смотрѣть съ улыбкой. Я вижу! Я прозрѣваю! Я думаю!

Мамонтъ.

Сфинксы.

Гера.

Сфинксы

Гера.

Сумасш.

Опь видѣть! Мы же перестали думать? находя это скучнымъ, и только улыбаемся.

Да, онъ все напелъ, Онъ стоять въ блаженномъ безуміи. Совсемтѣ-жъ вокругъ него кругъ изъ рукъ и голосовъ, какъ слабо опьяненный виномъ рабыни предъ своимъ царевичемъ.

Обѣщанное возвѣщеніо.

Звѣзды будьте свидѣтели союза земли и любви. Звѣзды, о звѣзды...

(съ горячими глазами).

Все вождѣлъя и имъ вождѣлѣнная, стояла дѣвушка на берегу старого Волоха. Но, изъ протянутой впередъ руки вселенной,

- обнаженная высунута проволока .
- Чертъ.** Это не живая вселенная, а чучело. Чучело птицы съ мертвымъ глазомъ и выходящей изъ кости проволокой,—ужасно!..
- Сфинксы.** Это страшно. Надъ этимъ мы не умѣемъ смеяться. Здѣсь наши улыбки грусы Въ его выкрикѣ есть какой-то мучительный вызовъ.
- Чертъ.** Да—его слова страшны, но зато онъ никакъ не опасенъ и можетъ остаться. Пусть онъ смотритъ въ глаза мамунта. Смотрите, онъ смотритъ огненнымъ взглядомъ на слѣпые глаза царевича. Смотрите, царевичъ взрагиваетъ. Закройте все глаза. Вы не вынесете,—это лучи. Царевичъ видитъ.
- Кто-то.** Онъ и раньше видѣлъ.
- Чертъ.** Нѣтъ, онъ только-что сейчасъ прозрѣлъ!.. Безумецъ зажегъ слѣпца безумнымъ свѣтомъ своихъ очей. Слѣпецъ прозрѣлъ. Мертвый царевичъ—видитъ! Такъ недополненный кубокъ божества, пролитый на землю, рождаетъ зрѣніе. Слѣпой не вынесъ луча безумія. Учитесь, о учитеся!..
- Сфинксъ.** Мы улыбаемся.
- Чертъ.** Разсказывали ли Вамъ, что нибудь подобное учителя?
- Всѣ.** Нѣтъ, дорогой, не рассказывали.
- Чертъ.** Мы не видимы для окружающихъ. Мы только мракъ и струи морева для смо-
- трящихъ извѣдъ. Но мы все видимъ. Но смотрите—что за странность!
- Вотъ собирается множество лягушекъ самыхъ разнообразныхъ, большихъ и малыхъ, которыхъ образуютъ гребень волны, такъ—что мельчайшія лягушки подобны пѣнѣ и вотъ, о чудо! Смотрите! Смотрите! Изъ пѣни рождается возникшая новый жрецъ искусствъ **Бѣлокумирный**. Какой странный кумиръ. „Не содергитъ ли онъ однако крысъ!“
- Ну миѣ пора однако идти домой. Уже поздно и не близокъ путь...
Досвиданья, остроумный чертикъ.
- Одна.** Странное, странное зрѣлище. Я очаровалъ имъ.
- Чертъ.** Это не богъ....это только выводокъ молодыхъ лягушатъ, храбро поющіхъ, каждый па свой ладъ, пѣсни жизни.
- Кто-то:** Очень можетъ быть. Искусственное заведеніе для разведенія молодыхъ лягушатъ? Совершенно певинное занятіе, друзья, даже безъ знака вопроса, но почему здѣсь вопросы призываютъ очертанія бога? Разводка лягушатъ...Ха!Ха!Ха!
- Сверху.** А, мы летимъ на раскатистый голосъ нашего друга. Насъ тамъ не приняли. Насъ чуть не посадили въ какую то жидкость петлѣнія, и только чьи—то чары, несмотря на негодованіе и вопль жрецовъ, спасли насъ отъ преждевре-

мнаго безсмертія. Ольга схватила насморкъ, простудилась. Я, отъ неудобнаго положенія занятаго разговорами и полета верхомъ на облакѣ, схватила головную боль. Кромѣ того у меня болять зубы. Не знаешь ли чѣмъ помочь?

Чертъ. Есть средства безусловно сильныя. Напримеръ: положить руку на огонь. Отъ сильной боли зубы должны утихнуть.

Мол. госп. Ты правъ по обыкновенію. А это что за не по нашему одѣтые особы. Какой у нихъ лихой независимый видъ! Фу ты, ну ты! Это наши товарки!

Чертъ. О! эта одна изъ шутокъ, которыми я забавляюсь. Видишь ли изъ музея похищены древнія и цѣнныя статуи. Шораженныя тѣмъ что происходило, онъ будуть нѣкоторое время стоять въ оцепленіи, мы же приведемъ на слѣдъ ихъ разыскивающихъ.

Мол. госп. О чертъ, чертъ! Ты обольщаешь всѣхъ кромѣ себя.

Чиновникъ. Вотъ онъ. А вотъ и воры. Буду стрѣлять при попыткѣ бѣгства.

Чертъ. Мы недвигаемся. (Всѣ разбѣгаются кроме черта и молодого человѣка). Это было бы слишкомъ скучно если бы у моего правила обманывать были желанія. Да! Скучно дѣлать льготы для себя, и невинности быть обманутымъ.

Чиновникъ. Убѣжали! Въ погоню туда въ погоню!

Одна изъучил. Мы не знаемъ въ чемъ дѣло. Мы отправились при очень невѣроятной обстановкѣ. И вотъ.....

Чиновникъ. Извините, извините..... Я такъ виноватъ. Я прикажу здѣсь подать Вамъ лошадей. Я сталъ жертвой, недоразумѣнія.

Одна. Да, но какъ же такъ.

Чиновникъ. Извините, извините, сударыни.

Ч. и мол. гос. (Одни бесѣдуютъ).

Мол. госп. Смотрите, видите озеро и охотникъ за осокой и держитъ за шнурокъ утку. Это манная утка кричить и къ ней слетаются товарищи и падаютъ мертвыми отъ выстрѣловъ охотника. Утка кричить, кричить..... Что это, сударыня, запачкать? Я долженъ размышлять, не страшно ли этотъ сонъ,—этотъ повальный полетъ въ смерть. Я тоже былъ охотникомъ.

Чертъ. Ужасна эта охота, гдѣ осока—годы, гдѣ дичь—поколѣнія.

Мол. Гол. Ты говоришь страшныя вещи И твои очи страшны сегодня.

Чертъ. А вотъ дѣвушка подходящая къ пропасти, чтобы кипнуть и что лежащее за ладони. Но! Это живое, не только живое, но и цѣлый пародъ. Да, онъ песомъ къ пропасти, раздираемый междуусобіями. Окруженный жестокими и грозными

сосѣдями. Онь презиралъ въ оенное ре-
месло, существующій только своей мно-
гочисленностью; онъ стремится рас-
пасться на сословія раздѣленныя непа-
вистью. Да! его пропасть близка и бли-
зокъ раздѣлъ между воинственными со-
сѣдями. О лѣса, которые не предвидѣлъ
старикъ Геродотъ, Вы будете!

Мол. Гос. Страшно, что ты говоришь черть.
Черть. Ты сегодня мраченъ.

Поневолѣ. О! О, какъ рапеный олень
ищущій уединенія, готовъ взбѣжать на
отдаленную звѣзду и съ закинутыми
рогами простопатъ истипу. Въ этомъ
есть глубокій смыслъ, мой другъ. О лѣ-
са, лѣса, на нихъ качаются не плоды, а
люди. Не мимо ли кладбища мы идемъ?
Не страшно ли, что близость кладбища
паводитъ на размысленіе о природѣ
бесмертія съ проткнутой проволокой и
стеклянными глазами? Потому, что всю-
ду, пе, смотря на снѣгъ, вижу лѣтніе,
яркіе, красные и сипіе и нѣжно—
глиняные цвѣты, на такихъ же си-
не—зеленыхъ или блѣдо—желтыхъ
широкихъ густыхъ вѣткахъ. Земная по-
туга на бесмертіе. Но почему именно
родили ихъ глиняные и увядашіе цвѣ-
ты? Или это голодъ бесмертія, зовъ его
идущій изъ дупла? Здѣсь люди задолго

до смерти покупаютъ мѣсто для своей
могилы. И въ дни имянинъ—на мѣсто
послѣдпяго пекоя и платить сторожу
жалованье, чтобы онъ соблюдалъ поря-
докъ. Такъ они завоевываютъ вѣсомой
земной рай.

Ниція. Бабочки, а бабочки, помянемъ рабу Бо-
жію (вѣдѣть, стоя гурьбой, кутью съ изю-
момъ) Подвиштесь родныя, бабочки,
Вонъ господа идутъ.

Ницій. (вкрадчиво) Милый баринъ, дайте за
упокъ душни.

Странно черть возьми, очень странно.
Идемте быстрѣй. Вотъ домъ, утолимой
печали. Печали по отсутствующему без-
смертию. Утолимой глиняными тяжелыми
вѣнками синихъ незабудокъ подъ стек-
ломъ съ свинцовымъ днищемъ и боками!
Странно!, очень странно! Вотъ надпись
„И пастапетъ великая тишина“. Подъ
нимъ око съ расходящимися лучами,
идемте люди быстрѣй.

**Пѣснь мальчика на
кладбище.** Ударится соколь о колья,
Всѣмъ летомъ соколиной груди
Упалъ. Доля соколья.

Сверкаетъ глазъ въ прозрач-
номъ прудѣ.
Все ходить около крутыхъ и
близкихъ стѣнь.
Въ походкѣ страшной сокола

Покой предвѣремъ смятенъ.
Опь ходить, пока ловъ
Не копченъ дикой смерти.
О! тѣюмъ мертвыхъ соколовъ
Покой темницы смерьте!

Чертъ. Опь копчилъ. Поприщъ глиняныхъ цвѣтковъ подъ свинцомъ и чугунной оградой! Мимо знаковъ! Странный выводъ! Гдѣ живые люди? съ восточными глазами, кто не хочетъ смерти, тому мы не подаемъ руки. Того мы травимъ злобными взглядами и усмѣшками. **Пустырь... Мятель...** Кто этотъ. Вотъ одинъ военный, котрый песеть на себѣ другого? (съ длинными усами песущій замерзшаго человѣка).

Русскій

Этого пьянчугу я нашелъ, во время своей ежедневной прогулки за городомъ, замерзающимъ и не могущимъ. Я пѣсь его, на пѣтахъ три версты и теперь, гордый и счастливый что я могу спасти его остановливаюсь передъ Вами, первыми встрѣченными здѣсь мной людьми. Помогите мнѣ привести его въ чувство и, когда онъ придетъ въ себя, дать хорошаго подзатыльника, чтобы онъ умѣль впередъ не замерзая и ги на большой дорогѣ. Я счастливъ, что спасъ его отъ смерти. Замерзающая! Замерзающій людина! Судя по вашему безкорыстному поступку, высокому росту и отмѣнно-дерзкому

выраженію лица—Вы, отставной воинъ?
Вы спасли его?

Да я полковникъ. я полковникъ, И я спасъ его.

Чертъ. Я люблю видѣть въ вещахъ ирообразы. Я люблю сквозь вещи зоркимъ шагомъ видѣть будущее. Вы разгоняете мои мрачныя думы.. Вы,—добрый свѣтлый лучъ разогнавшій сердечную непогоду. Но сиѣшімте его привести въ чувство. Раша осанка и видъ отставного военного заставляетъ меня снять шляпу и просить позволенія пожать вашу руку. О да, я отставной военный. При Тирновѣ мой полкъ переходилъ рѣку по шею въ водѣ, шелъ ледъ. Мы сражались за Россію.

Военный.

Немногіе остались живыми. У каждого свой правъ. Такъ со славою мнѣ умирать? Я борюсь только за могилы предковъ! Нѣть, я—чертъ Но кто вы? А.. Мм—да. Что—жъ всякое бываетъ. И да.

Чертъ. Я протягиваю вамъ палецъ руки. Просните мнѣ мой прямой и откровенный вопросъ. Но я гордъ своей прямотой и тѣмъ что два раза въ лицо позвалъ одного временщика мошенникомъ.

Русскій. Да я ему прямо въ лицо сказалъ: Вы, ваше превосходительство „мошенникъ“! Теперь я съ удовольствиемъ пожму вашу, простите, честную руку.

Да я сказать правду, несмотря на то что,
я какъ видите очень бѣденъ.

Я былъ у него на приемъ и такъ и сказа-
зть: Вы, Ваше превосходительство,
мошенникъ. Что и недурно?

Черть. Черть.
Не только недурно, но и прекрасно.
Прекрасно и Вы статный старикъ, пе-
сущій на плечахъ замерзающаго пьяни-
чугу.

Но повидимому здѣсь холодно. Знаете
что? Ставьте его на наше попеченіе.
Оставьте намъ и свое имя, чтобы этотъ
нечастный зпаль кому опь обязантъ
жизнью, а мы знали въ комъ пригѣт-
ствовать приходъ человѣка.

Съ удовольствіемъ! (даетъ адресъ).
О, тамъ бывалъ. Еще разъ Вашу пре-
красную ручку. Эта рука работала
шашкой.

Военный. Военный.
Черть. Черть.
Бал-дарю..., Всего, всего хорошаго.
(Идетъ по снѣжной дорогѣ.)

Какая прекрасная личность! И этихъ
людей....

Я человѣкъ рѣшительный. Ко мнѣ
разъ подошли бояки: „Баринъ, баринъ,
мы тебя зарѣзать хотимъ“. Я имъ ска-
заль: „что вы думаете, что я цыпленокъ
вамъ? что ли? Живой не дамся въ руки!
подходите!“ Они попятились и ушли. У
меня же ничего съ собою не было. Ну
здѣсь наши дороги расходятся. Балдарю!

Черть. Отведемте этого бояка въ чайную и тамъ
приведемъ его въ чувство Эй! половой!
(на пьяного указываетъ)

Половой. Что изволите?
Черть. (Сиѣгу, да всего того что нужно.

Половой. Слушаюсь.
Черть. Эти люди могутъ спасти Россію. Какая
открытая и благородная усмѣшка!

Черть. Всегда и вездѣ послѣднимъ судьей вы-
бирайте звѣря. Не правда ли? велико-
льпны эти извозчики со своими рыжими
бородами, свѣжими голубыми глазами
и тугими шеями? У многихъ изъ нихъ
лица властитель. Съ какимъ бы презрѣ-
ствомъ—бы звѣрь о нашихъ!

Монашка. Братецъ, пожертвуйте на построеніе
храма! Братецъ! Спасибо дорогой мой
спасибородной. Дай тебѣ Богъ здоровья!

Мол. госп. жертвуетъ,
Черть. Видѣлъ того, чьи глаза, то широко тем-
ные, то выпуклы и напрягаются. Не
правда ли, онъ безумецъ?

Безумецъ. (Еставая и протягивая руку). Вы думаете,
что я безумецъ? Безумецъ....! Да!
(осклабившись). Сумасшедший!

Половой. (вытираетъ усы и перестаетъ ити)
Замерзшій. Благодарю! (подымается и уходитъ.)

Разносчикъ. Чулки вязаны, рукавицы теплыя! Очень
дешево, лучшій товаръ.

Половой. Опь теперь не замерзнетъ. Сгрѣян-
ная птица!

Черть. Но почему, опять появляется на сценѣ чертежъ Россіи и слово „Россія“ въ страховани? Лишь только опь ушелъ! Страшный человѣкъ!

Половой. (Подходитъ и пальцемъ трогаетъ слово „Россія“) Такъ точно, Сударь! Они будто отлучались куда-то, а теперь вернулись.

Черть. (Смотря на часы) Однако неотложная дѣла заставляютъ меня лишиться Вашего общества. Мы встрѣтимся завтра у Кругликовыхъ въ 7 час.?

Мол. госп. Да! Досвиданія глубокоуважаемый черть.

Студентъ. (засыпая надъ пивомъ.) Стрѣшился.....

Половой. (появляясь строго) Здѣсь засыпать не полагается.

Студентъ. А? кружку!

Сфинксы. (появляясь), Кружку!

Сидѣлецъ. Чернаго? бѣлаго?

Сфин. Синяго. Мы пьемъ только синее пено.

Сидѣлецъ. Какъ угодно!

Сфин. (Поютъ): Лапы протягивая другъ къ другу

Мы полнымъ пебомъ синимъ
кружки,

Мы смотримъ свѣтло и спѣсиво,
На всѣ ипти пива.

Миръ станетъ небомъ постепенно,

О, млечный путь, зачѣмъ ты
пѣна!

Пѣть и пить будетъ,
Кто нашу забудетъ пѣсню.

Французск. Я пришла сюда согрѣться!

Свобода. Мои завяли крапленныя перья,
Холодна и одинока теперь я,
О куда мнѣ, куда мнѣ дѣться?

Ученый. (Входя и садясь за столикъ) Меня уморили проклятыя вѣдьмы. Шея болить, поги болять, пива и пива!

Сидѣлецъ. (Съ кружкой въ рукѣ) Напитокъ охотно подамъ, пришедшими ко мнѣ господамъ.

Края пѣнного стакана широки и облы,—
О не хотите ли сфинксы кусочка воблы.—
Пиво взойдетъ до Овна и до Рака,—
О не угодно ли, сфинксы рака?
Пиво не дороже копѣекъ пяти,
Взметнетъ до млечнаго пути.
Въ моемъ стаканѣ звѣздная пѣна,
Въ обширномъ небѣ узнать подносы съ
пивной закуской

Обычай ново-Русскій!

Стаканъ. (пива принимаетъ размѣры вселенной.)

Посѣтители. (Закуриваютъ важно трубки и въ ихъ дымѣ исчезаетъ все.—Шивпая и посѣтители.) Молодой человѣкъ выходитъ на звѣздную ночь; извозчикъ пытается проѣхать, „Садитесь: я подвезу“.....

Мол. гос. (Высаживается) Ну, здѣсь я слѣзаю.....

Сторожъ. Мостъ въ сказку разобранъ, господинъ.
Вы останетесь въ сказкѣ до слѣдующаго
дѣйствія.

Мол. гос. А! (поворачиваясь идетъ назадъ).

Сторожъ. (Ставя заставу.) Проѣздъ въ сказку
закрыть, господа.

**КНИГИ РУССКИХЪ
ФУТУРИСТОВЪ**

КАТАЛОГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВЪ.

1908—1914 г.г.
МОСКВА—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство
(Литературной Компаниі Футуристовъ)
„ГИЛЕЯ“

Дохлая луна (огранич. количество—
осталось — — — — 1 р. 50 к.

Молоко кобылицъ (Мирістель:) Каменскій, Маяковскій, Игорь-Сѣверянинъ, Бурлюки, Хлѣбниковъ, Крученныхъ, Лившицъ, Экстеръ. Стихи, статьи, рисунки, литографіи.

Сборникъ рисунковъ: печатается
Бурлюки; Давидъ Владиміръ
Предисловіе Николай Бурлюкъ.

Склады изданій:

Москва. „Современныя проблемы“ Никитск. ул.
Петербургъ. Невскій проспектъ „Поповъ“.
Москва.—Карбасниковъ—Моховая ул.

- Хлѣбниковъ „Творенія“ т. I. 1 р.
Владиміръ Маяковскій трагедія „Владиміръ Маяковскій“ — 1 р.
1-й № „Первый Журналъ Русскихъ Футуристовъ“ издатель Д. Бурлюкъ редакторъ В. Каменскій.
В. Маяковскій И. Сѣверянинъ Хлѣбниковъ, В. Каменскій, Б. Лившицъ, Давидъ, Владиміръ и Николай Бурлюки. А. Экстеръ, Васильева.
Б. Лившицъ. II-я книга стиховъ „Волчье солнце“ рисунки цветные репрод. Экстеръ. Васильева. I-я книга „Флейта Марсія“.

изд. ЕУЫ.

В. Хлѣбников. Перчатка (1908—1914) рис. Д. Бурлюка. К. Малевича и др. ц. 60 к.

Утиное гнѣздышко—Крученых, книга 7-я рис. Розановой, ц. 40 к.

Бух лѣсинный—А. Крученых и Хлѣбников кн. 8-я рис. Розановой, Кульбина и Крученых, 40 стран. ц. 30 коп.

Взорваль—А. Крученых книга 9-я, 60 стр. рис. Гончаровой, Розановой, Кульбина и Малевича ц. 60 коп.

А. Крученых. Побѣда над солнцем. Опера. Музыка Матюшина—ц. 60 к.

А. Крученых. „Чертъ и рѣчтврцы“ рис. О. Розановой ц. 30 к.

Карбасников, Суворин, Вольф, Яснаго и др.

Склад изд. С.-П.-Б. Максимилиановский пер. д. 16, кв. 6.

Художественное Бюро

Надежды Евсѣевны Добычиной.

С.-П.-Бургъ Мойка 63.

==== Картины Русскихъ Футуристовъ. ===

Выставки
Футуристовъ

Берлинъ „Sturm“

„Potsdamerstasse. 134“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.

0-во художн. „Союзъ Молодежи“

ОТКРЫВАЕТСЯ Студія ДАВИДА
Бурлюка.

Живопись. Рисунокъ.
Анатомія. Истор. иск.

Съ Сентября 1914 года—Москва,

Издательство Журавель

Садокъ Судей, I сборникъ (распродано) оставшіеся
въ не большомъ количествѣ продаются у
Митюрикова по 50 р. СПБ. Литейный.

Садок Судей II сборникъ.

Садокъ Судей III сбор. (печатается)

Осеній Сонъ—Е. Гуро (†)

Шарманка ея-же

„Тroe“—ц. 1 р. Гуро. Хлѣбниковъ. Малевичъ.
Крученныхъ.

„Рыкающій Парнасъ“ — — 1 р. 50 к.

ИЗД. БУТКОВСКОЙ.

Студія импресіонистовъ, цѣна 1 р. 50 к.

Свободная музыка, цѣна 2 руб.

ИЗД. ОБЩ. ИНТИМНІГО ТЕНТРА:

Кульбинъ, цѣна 50 к.

Издание Общества Художниковъ

„Союзъ Молодежи“

Сборникъ № 1, Апрѣль, 1912 г. (распроданъ.)

Сборникъ № 2, Іюнь 1912 г. — 50 к.

Сборникъ № 3, Мартъ 1913 г. — 1 р.

Сборникъ № 4, 1914 г. — (готовится)

Вячеславъ Егорьевъ и Владіміръ Марковъ.

Свирѣль Китая; собраніе стихотвореній китайскихъ
поэтовъ съ біографіями (печатается).

Глезъ и Мецанже. „Du Cubisme“ въ переводѣ
„Союза Молодежи“.

I. Школьникъ и О. Розанова.

Сборникъ рисунковъ (печатается).

Владіміръ Марковъ.

Принципъ Фактуры (готовится).

Бургеръ. Сезаннъ и Ходлеръ (печатается).

Дав. Дав. Бурлюкъ.

Галдящіе „Бенуа“ и Новое Русское национальное искусство. Разговоръ г. Бурлюка,
г. Бенуа и г. Рѣпина — 20 коп.

Складъ изданій „Союза Молодежи“

С.-П.-Бургъ, Графскій, 5.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Изд. Г. Кузьмина и С. Долинского.

Игра въ Аду—Крученых и Хлѣбников, рис. Гончаровой ц. 60 к. (распродано).

Старинная любовь—Крученых, рис. Ларіонова, ц. 30 к. (распродано).

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ расподаются.

Игра въ аду по 3 и 5 руб. и „Старинная любовь“ по 1 р. у Митюрикова, Вольфа и др.

Місконца Крученых и Хлѣбников, рис. Гончаровой, Ларіонов, Роговина, Татлина, цѣна, 70 коп. (распродано).

Пустынники Помада. Полуживой—А. Крученых, рис. Гончаровой и Ларіонова, цѣна 50, 30 и 40 коп.

Пощечина обществен. вкусу—Бурлюки, Крученых, Хлѣбников, Маяковский и др. цѣна 1 руб. (ограниченное количество экземпляровъ).

Требник троих—Бурлюки, Хлѣбников, Маяковский, цѣна 1 р. 25 к. роскошное изданіе, рисунки.

SPECIAL 93-B

5424

-1

THE GETTY CENTER
LIBRARY

M. O. B.
14 MAY 1914

Цѣна 1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТ. КО“

ФУТУРИСТЫ

===== „Гилея“ =====

1914 г.

Херсонъ, Электро-типографія “Экономія” Ф. С. Нарвелянского и Ш. В. Фаермана